

- Философские главы

- Глава I. О познании
- Глава II. Какая цель этого произведения?
- Глава III. О философии
- Глава IV. О сущем, субстанции и акциденции
- Глава V. О звуке
- Глава VI. О разделении
- Глава VII. О предшествующем по природе
- Глава VIII. Об определении
- Глава IX. О роде
- Глава X. О виде
- Глава XI. Об индивидуе
- Глава XII. О разности
- Глава XIII. Об акциденции
- Глава XIV. О свойстве
- Глава XV. О сказуемом
- Глава XVI. О сказуемом синонимическом и омонимическом
- Глава XVII. О сказуемом, отвечающем на вопрос: что есть предмет? и каков предмет?
- Глава XVIII. Сходства и различия пяти названий
- Глава XIX. Сходство и различие между родом и разностью
- Глава XX. Сходство и различие между родом и видом
- Глава XXI. Сходство и различие между родом и свойством
- Глава XXII. Сходство и различие между родом и акциденцией
- Глава XXIII. Сходство и различие между разностью и видом
- Глава XXIV. Сходство и различие между разностью и свойством
- Глава XXV. Сходство и различие между разностью и акциденцией
- Глава XXVI. Сходство и различие между видом и свойством
- Глава XXVII. Сходство и различие между видом и акциденцией
- Глава XXVIII. Сходство и различие между свойством и неотделимой акциденцией
- Глава XXIX. Об ипостаси, ипостасном и неипостасном
- Глава XXX. О сущности, природе и форме; об индивидуе, лице и ипостаси
- Глава XXXI. Об омонимах
- Глава XXXII. О синонимах
- Глава XXXIII. О полионимах
- Глава XXXIV. О различных и разноименных предметах
- Глава XXXV. О паронимах
- Глава XXXVI. О десяти самых общих родах
- Глава XXXVII. Об однородном и принадлежащем к одному и тому же виду, о разнородном, разновидном и различающемся числом
- Глава XXXVIII. О том, что находится в другом
- Глава XXXIX. Еще о субстанции
- Глава XL. О природе
- Глава XLI. О форме
- Глава XLII. Об ипостаси
- Глава XLIII. О лице
- Глава XLIV. Об ипостасном
- Глава XLV. О неипостасном

- [Глава XLVI. Разделение сущего](#)
- [Глава XLVII. Разделение субстанции](#)
- [Глава XLVIII. Еще об однородном и принадлежащем к одному и тому же виду; о разнородном и разнovidном; об едино-ипостасном и различающемся численно](#)
- [Глава XLIX. О количественном и количестве](#)
- [Глава L. О предметах относительных](#)
- [Глава LI. О качественном и качестве](#)
- [Глава LII. О действии и страдании](#)
- [Глава LIII. О положении \(\$\kappa\epsilon\iota\sigma\theta\alpha\$ \)](#)
- [Глава LIV. О месте](#)
- [Глава LV. О времени](#)
- [Глава LVI. Об имени \(\$\tau\omicron\upsilon \epsilon\chi\epsilon\iota\nu\$ \)](#)
- [Глава LVII. О противоположном](#)
- [Глава LVIII. О принадлежности и лишении](#)
- [Глава LIX. О предыдущем и последующем](#)
- [Глава LX. О том, что вместе](#)
- [Глава LXI. О движении](#)
- [Глава LXII. Об имени](#)
- [Глава LXIII. О суждении, утверждении и отрицании](#)
- [Глава LXIV. О термине, посылке и силлогизме](#)
- [Глава LXV. Различные определения](#)
- [Глава LXVI. Еще об ипостасном соединении](#)
- [Глава LXVII. Шесть определений философии](#)
- [Глава LXVIII. О четырех диалектических приемах](#)
- [Объяснение слов](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)

Введение

Глава I. О познании

Нет ничего более ценного, чем познание, ибо познание есть свет разумной души. Наоборот, незнание есть тьма. Как лишение света есть тьма, так и отсутствие познания есть помрачение разума. Неразумным существам свойственно незнание, разумным — познание. Поэтому, кто будучи от природы способен к познанию и ведению (ἐπιστήμονικω), не имеет его, тот, хотя он от природы и разумен, тем не менее по нерадивости и слабости души бывает хуже неразумных. Что касается познания, то под ним я разумею истинное познание сущего, ибо знания касаются сущего. Ложное познание, которое есть как бы познание не сущего, более незнание, чем знание, ибо ложь есть не что иное, как не сущее. Так как мы живем не одной душой, но душа наша, как бы сокрытая завесой — плоти, имеет подобие ока — видящий и познающий ум, воспринимающий познание и ведение сущего, причем это познание и ведение она имеет не с самого начала, но нуждается в обучающем, то приступим к неложному учителю — «истине». Христос же есть ипостасная мудрость и истина, в «нем же вся сокровища разума сотворенна», Который есть Бога и Отца мудрость и сила. Поэтому послушаем голоса Его, говорящего нам через Священные Писания, и научимся истинному познанию всего сущего. Приступая же, станем приближаться прилежно и с чистым сердцем, не позволяя страстям притуплять мысленное око нашей души. Ибо едва ли кто будет в состоянии даже самым чистым и самым ясным оком явственно созерцать истину. «Аще убо свет», который в нас, т.е. ум наш, «тьма, то тьма кольми»? Приступим всею душою и всем помышлением. Ибо подобно тому, как невозможно, чтобы глаз, часто переводимый с одного предмета на другой и обращающийся то туда, то сюда, ясно созерцал видимое, но необходимо, чтобы око пристально наблюдало подлежащий рассмотрению предмет, так и мы, отрешившись от всякого волнения ума, непорочно (αὐλώς) приступим к истине. А приступая и достигнув врат, не ограничимся этим, но громко постучим, чтобы, когда нам откроются двери покоя, увидеть его внутреннюю красоту. Итак, писание — врата; находящийся же за вратами покой означает скрытую в писании красоту мыслей, т.е. Дух истины. Громко постучимся, т.е. прочтем раз, два, будем часто читать, и так углубляясь, найдем сокровища знания и будем изобиловать богатством. Будем искать, исследовать, высматривать, спрашивать. «Всяк бо просяй приемлет и ищай обретает и толкующему отверзется». А также: «вопроси отца твоего и возвестит тебе, и старцы твоя» в знании «и рекут тебе». Поэтому если будем любознательны, то будем и знать многое; ибо все достигается старанием и трудами, а также — и это прежде всего и после всего — благодатию дарующего Бога.

С другой стороны, так как апостол говорит: «вся же испытующе добрая держите», будем исследовать также и учения языческих мудрецов. Может быть, и у них мы найдем что-либо пригодное и приобретем что-нибудь душеполезное, ибо всякий художник нуждается в некоторых инструментах к совершению устрояемого. И царице свойственно пользоваться услугами служанок. Поэтому мы позаимствуем такие учения, которые являются служителями истины, но отвергнем нечестие, жестоко владевшее ими, и не воспользуемся дурно хорошим, и не употребим искусства доказательств для обольщения простецов. Хотя истина и не нуждается в разнообразных доказательствах, тем не менее мы воспользуемся ими для опровержения нечестных противников и лжеименного знания.

С этого мы и начнем, как с букв, именно с того, что приличествует имеющим еще нужду в молоке, призвав руководителем Христа, ипостасное Слово Божие, Которым подается «всякое даяние благо и всяк дар совершен».

Те, кто будет читать эту книгу, должны направлять свой ум к блаженной цели, состоящей в

том, чтобы через чувства восходить к тому (προς τὸν), Кто выше чувства и восприятия. Кто есть Виновник всего, Творец и Устроитель. Ибо «от красоты созданий своих сравнительно рододелатель их познавается» и «невидимая Его от создания мира твореньми помышляема видима суть». Поэтому мы достигаем желаемого, стремясь к познанию нетщеславным и смиренным умом. Ибо Вы не можете веровать в Меня, сказал Христос-истина, «славу» от людей «приемлюще». А также: «всяк возносяйся смирится, и смиряйся вознесется».

Глава II. Какая цель этого произведения?

Так как всякий, кто принимается за дело без определенной цели, как бы во тьме блуждает; так как трудящийся без цели нищенствует во всем, — поэтому мы прежде всего скажем о поставленной для этой книги цели, чтобы то, о чем в ней говорится, легче усваивалось. Цель же эта заключается в том, чтобы начать философией и вкратце предначертать в этой книге по возможности всякого рода знания. Поэтому ее должно назвать «Источником знания». Итак, я ничего не буду говорить от себя, но в связном виде изложу то, о чем в различных местах сказано у божественных и мудрых мужей. И лучше прежде всего определить, что такое философия.

Глава III. О философии

Философия есть познание сущего как такового, т.е. познание природы сущего. И снова: философия есть познание Божественных и человеческих вещей, т.е. видимого и невидимого. Кроме того, философия есть помышление о смерти, как произвольной так и естественной. Ибо жизнь двух видов бывает: естественная, которой мы живем, и произвольная, в силу которой мы со страстью привязываемся к настоящей жизни. Двух видов бывает и смерть: смерть естественная, которая есть отделение души от тела, и смерть произвольная, по которой мы, пренебрегая настоящей жизнью, стремимся к будущей. Затем, философия есть уподобление Богу. Уподобляемся же мы Богу через мудрость, т.е. через истинное познание добра, а также через справедливость, которая каждому воздает свое и нелицеприятно судит; наконец, через святость, которая выше справедливости, т.е. через добро и воздаяние обидящим добром. Философия есть искусство из искусств и наука из наук. Ибо философия есть начало всякого искусства: ею всякое искусство было изобретено и всякая наука. Искусство, по мнению некоторых, кое в чем погрешает; наука же не погрешает ни в чем: но одна только философия не погрешает (вообще). По мнению других, искусство есть то, что исполняется при помощи рук. Наукой же будет всякое умственное искусство: грамматика, риторика и тому подобное. Кроме того, философия есть любовь к мудрости; Бог же есть истинная мудрость. Таким образом любовь к Богу есть истинная философия. Философия разделяется на теоретическую и практическую. Теоретическая, в свою очередь, разделяется на богословие, физиологию и математику, а практическая — на этику, экономику и политику. Теоретической философии свойственно украшать знание. При этом богословию свойственно рассматривать бестелесное и невещественное: прежде всего Бога, поистине невещественного, а затем ангелов и души. Физиология есть познание материального и непосредственно нам доступного, например, животных, растений, камней и т.п. Математика есть познание того, что само по себе бестелесно, но созерцается в теле, т.е. чисел, говорю, и гармонии звуков, и, кроме того, фигур и движения светил. При этом рассмотрение чисел составляет арифметику, рассмотрение звуков — музыку, рассмотрение фигур — геометрию; наконец, рассмотрение светил — астрономию. Все это занимает среднее место между телами и бестелесными вещами. Действительно, число само по себе бестелесно, но рассматривается в теле — в хлебе, например, или в вине, или в чем-либо подобном. Практическая философия занимается добродетелями, ибо она упорядочивает нравы и учит, как следует устраивать свою жизнь. При этом, если она предлагает законы одному человеку, она называется этикой; если же целому дому — экономикой; если же городам и странам, — политикой.

Некоторые пытались устранить философию, говоря, что ее нет, равно нет никакого знания или постижения. Таким мы скажем: на каком основании вы говорите, что нет философии, нет знания или постижения? Потому ли, что это было вами познано и постигнуто, или потому, что не было познано и постигнуто? Если потому, что было постигнуто, то вот вам познание и постижение; если же потому, что не было познано, никто вам не поверит, так как вы рассуждаете о таком предмете, о котором не получили никакого познания.

Итак, в виду того, что есть философия и есть познание сущего, мы скажем о сущем. Но должно знать, что сперва мы будем заниматься логической частью философии: последняя — скорее орудие философии, чем ее часть, ибо (философия) пользуется ей при всяком доказательстве. Итак, мы будем сначала рассуждать о простых словах, которые через простые значения обозначают простые вещи. А объяснив прежде значение слов (λεξεῖός), рассмотрим таким же образом и то, что касается речей.

Глава IV. О сущем, субстанции и акциденции

Сущее (το ον) есть общее имя для всего существующего. Оно разделяется на субстанцию и акциденцию. Субстанция (ουσια) есть нечто самое важное, так как она имеет существование в себе самой, а не в другом. Акциденция (συμβεβηκος) же есть то, что не может существовать в самом себе, а созерцается в субстанции. Субстанция есть подлежащее (υποκειμενον), как бы материя вещей. Акциденция же есть то, что созерцается в субстанции как подлежащем, например: медь и воск — субстанции, а фигура, форма, цвет — акциденции, и тело — субстанция, а его цвет — акциденция. Не тело находится в цвете, а цвет — в теле, и не душа — в знании, но знание — в душе, и не медь и воск — в фигуре, но фигура — в воске и меди. Не говорят; тело цвета, но цвет тела; не душа знания, но знание души; не воск фигуры, но фигура воска. И цвет, и знание, и фигура изменяются, тело же, душа и воск остаются теми же самыми, так как субстанция не меняется. Кроме того, субстанция и материя тела одна: цветов же много. Подобным же образом обстоит дело и со всем остальным: подлежащее есть субстанция; то же, что созерцается в подлежащем, т.е. субстанции, есть акциденция.

Определяют же субстанцию таким образом: субстанция есть самосушая вещь, не нуждающаяся для своего существования в другой. Акциденция, напротив, есть то, что не может существовать в самом себе, но имеет свое бытие в другом. Таким образом субстанцией будет Бог и всякое творение, хотя Бог есть «пресущественная субстанция». Есть же и существенные качества, о которых мы будем говорить.

Глава V. О звуке

Так как мы имеем в виду рассуждать о всяком чисто (απλως) философском звуке (φώνη), то нам необходимо прежде определить, с каким звуком философия имеет дело. Начиная свою речь с рассмотрения звука, мы говорим: звук бывает или незнаменательный (ασήμος), или знаменательный (σήμαντικη). Незнаменательный звук — тот, который ничего не обозначает; знаменательный — тот, который что-либо обозначает. Далее, незнаменательный звук, в свою очередь, бывает или нечленораздельный, или членораздельный. Нечленораздельный звук — тот, который не может быть написан; членораздельный же — тот, который может быть написан. Таким образом, бывает нечленораздельный и незнаменательный звук, как, например, тот, который производится камнем или деревом: ибо он не может быть записан и ничего не означает. Бывает звук незнаменательный и членораздельный, например, «скиндапс»: ибо он может быть написан, но ничего не обозначает; скиндапса и не было, и нет. Философии нет дела до незнаменательного звука, как нечленораздельного, так и членораздельного. В свою очередь, знаменательный звук бывает или членораздельный, или нечленораздельный. Нечленораздельным знаменательным звуком будет, например, лай собак: он обозначает собаку, так как есть голос собаки; равным образом он обозначает и чье-то присутствие; но это нечленораздельный звук, поэтому он не пишется. И до этого звука философии нет дела. Членораздельный знаменательный звук бывает или общим, или частным [единичным]. Общим звуком будет, например, «человек»; частным — Петр, Павел. И до частного звука философии нет дела. Но (философия имеет дело) с звуком знаменательным, членораздельным, соборным, т.е. общим, высказываемым в применении ко многим предметам.

Этот звук, в свою очередь, бывает или существенным (ουσιώδης), или прилагательным к сущности (ελουσιώδης). Существенным называется тот звук, который выражает субстанцию, или природу вещей; прилагательным же к сущности — тот, который выражает акциденции. Например: человек есть смертное разумное животное. Все это будут существенные звуки. Ибо если что-нибудь из этого отнимешь у человека, он не будет человеком. И если скажешь, что он не животное, то он уже — не человек; и если скажешь, что он не разумен, то он уже — не человек; подобным образом, если скажешь, что он не смертен, он — не человек; ибо всякий человек есть и животное, и разумное, и смертное. Потому (эти звуки) называются существенными, что они восполняют природу человека, и невозможно, чтобы человек существовал вне их. Подобным образом и в каждой вещи существенным называется то, что составляет ее природу; прилагательным же к сущности — акциденции, которые могут быть и не быть в подлежащем: человеку или лошади, или в чем-либо другом таковом, — например, белое. Ибо будет ли кто белым, или черным, он тем не менее останется человеком. Это и подобное называется прилагательным к сущности, или акциденциями, которые мы можем иметь то эти, то противоположные им.

Существенный звук обозначает или что есть вещь, или какова эта вещь. Например, отвечая на вопрос, что такое человек, мы говорим: животное. Затем, спрошенные, какое животное, мы говорим: разумное, смертное. Существенный звук, показывающий, каков есть предмет, называется разностью (διαφορά); показывающий же, что есть предмет, обозначает или многие виды и составляет род, или же многие индивидуумы, различающиеся между собой числом, но ни в коем случае не видом, и составляет вид. Первое, т.е. род, есть, например, субстанция, ибо субстанция обозначает и человека, и лошадь, и вола, потому что каждое из этих существ называется и есть субстанция, но одно составляет один вид, другое — другой. Второе же, т.е. вид, есть, например, человек, ибо это слово обозначает многих, вернее всех отдельных людей,

которые различаются друг от друга числом — ибо один — Петр а другой — Павел, и они не суть одно, но два — видом же, т.е. по природе, они не различаются. В самом деле все они и называются, и суть люди.

Таким образом есть частнейшее [индивидуальное, в противоположность роду и виду], различающееся между собой числом, например, Петр, индивид, а также лицо и ипостась (πρόσωπον καὶ ὑπόστασις). Оно обозначает кого-либо определенного. Так, когда нас спрашивают; «Кто этот (человек)», мы говорим: «Петр». Это же обозначают и выражения: «другой» — ибо один есть Петр и другой — Павел — «он», «этот», «тот» — они прилагаются к индивиду, который существует сам по себе — и подобные им. Напротив, то, что заключают в себе индивиды, называется видом и имеет большую общность, чем индивид, так как обнимает многие индивиды, — например, «человек». Это слово обнимает и Петра, и Павла, и всех единичных людей. Вид у святых отцов называется природой (φύσις) и сущностью (οὐσία), и формой (μορφή). То же, что обнимает множество видов, называется родом, — например «животное», ибо (это слово) обнимает человека, вола, лошадь и является более общим, чем вид. Святые же отцы как вид, так и род называют природой, формой, образом, сущностью. Через вид, — иначе сказать, природу, сущность, форму — полагается не тот или другой индивид, не то или другое различие, но та или иная субстанция. Так человека мы называем одной сущностью, лошадь — другой, но не одним или другим индивидом. В отношении же вида говорится: это, оно, то и подобное, — т.е. отвечающее на вопрос: «Что есть предмет?» Разность полагает различие между предметами, — иное дело — животное разумное и иное — животное неразумное, — и «такое», и «какое», и «каково». Что касается прилагемого к сущности, то оно принадлежит или одному виду, или многим. Если оно принадлежит одному виду, то называется свойством; например, способность смеяться, которая принадлежит одному человеку, способность ржать, которая принадлежит одной лошади. Если оно принадлежит многим видам, то оно составляет акциденцию, — например, белизна, ибо она принадлежит и человеку, и лошади, и собаке, и многим другим видам. Таковы те пять названий, к которым сводится всякое философское название, И нам нужно знать, что каждое из них обозначает и в чем они сходны друг с другом, и в чем различаются. Эти названия суть: **род, вид, разность, свойство и акциденция.**

Род есть то, что высказывается, т.е. говорится и называется, в отношении многих предметов, различающихся между собой по виду, на вопрос: что есть предмет? Ибо высказываться значит быть сказану о чем-либо.

Вид есть то, что высказывается в отношении многих предметов, различающихся между собой числом, на вопрос: что есть предмет?

Разность есть то, что высказывается в отношении многих предметов, различающихся между собой по виду, на вопрос: каков предмет? и принимается в определение, в качестве существенного признака. Разность не может быть и не быть в одном и том же виде, но необходимо должна быть в том виде, которому принадлежит. Находясь в нем налицо, она его сохраняет: отсутствуя, разрушает. Точно так же невозможно, чтобы в одном виде совмещались и разность, и противоположное ей. Например, разумность не может не принадлежать человеку, ибо неразумное существо уже не человек. Находясь налицо, разумность составляет природу человека, а отсутствуя, разрушает, ибо неразумное существо — уже не человек. Следует принять к сведению, что разность называется **существенной, естественной (φυσική), составляющей (συστατική), разделяющей, а также видовой разностью, существенным качеством и естественным свойством природы. Философы весьма метко называют ее разностью, так как она наиболее особенна и является выразительницей той сущности, которой принадлежит.**

Свойство есть то, что принадлежит одному виду, всему и всегда, и допускает обращение [может поменяться местом с подлежащим], — например, способность смеяться. В самом деле, всякий человек способен смеяться, и всякое существо, способное смеяться, есть человек.

Акциденция есть то, что высказывается относительно многих предметов, различающихся по виду, на вопрос: каков предмет? Она не принимается в определение, но может и принадлежать предмету и не принадлежать ему. Акциденция, присутствуя в предмете, не сохраняет его и, отсутствуя, не разрушает. Акциденция называется несущественной (εποσιωδης) разностью и качеством. Акциденция бывает или отделимой, или неотделимой. Отделимой акциденцией называется то, что в одном и том же лице то присутствует, то отсутствует, как, например, сидение, летание, стояние, болезнь, здоровье. Неотделимой акциденцией называется то, что не входит в состав сущности, так как не созерцается в целом виде, — однако, коль скоро оно принадлежит известному лицу, то уже не может быть отделено от него. Таковы, например, приплюснутость или горбатость носа, синева глаза и т.п. Такая не отделимая акциденция называется отличительной особенностью (χαρακτηρικον ιδιομα), ибо это различие составляет ипостась, т.е. индивидуум.

Что касается индивидуума, то он слагается из субстанции и акциденций и существует сам по себе, различаясь от подобных ему по виду числом, и показывая не «что», но «кого». Но с этим мы, с Божьей помощью, обстоятельнее познакомимся потом.

Глава VI. О разделении

Разделение есть первое расчленение вещи; например, животное разделяется на разумное и неразумное. Дополнительное разделение (επιδιακρεοσις) есть второе расчленение той же вещи. Например, животное дополнительно разделяется на безногое, двуногое и четвероногое: безногое — рыба, двуногое — человек и птица, четвероногое — вол, лошадь и подобное. Подразделение есть расчленение выделенной части. Например, животное разделяется на разумное и неразумное, разумное же — на смертное и бессмертное. Таким образом, первый предмет (животное) разделяется на два члена: разумное и неразумное, а разделение одного из этих членов, говорящее: разумное разделяется на смертное и бессмертное, есть подразделение. Однако деление и дополнительное разделение бывают не всегда, но в том случае, когда первым разделением обнимается не все. Например, животное разделяется на разумное и неразумное. Но как в разумных, так и в неразумных животных усматривается признак: двуногое. Поэтому необходимо дополнительное разделение, т.е. мы производим второе деление того же самого предмета, именно животного, и говорим: животное разделяется на безногое, двуногое и четвероногое.

Способов разделения восемь и по следующему основанию. Все, подлежащее разделению, разделяется или само по себе, т.е. сообразно своей субстанции, или сообразно своим акциденциям. Если что-либо разделяется само по себе, то оно разделяется или как вещь, или как название. Если как вещь, то или как род на виды, как это бывает при разделении животного на разумное и неразумное, или как вид на индивиды, как это имеет место при разделении человека на Петра, Павла и прочих отдельных людей, или как целое на части.

При этом последнее разделение двоякого рода: или на подобные части, или на неподобные. Предмет состоит из подобных частей, когда его части принимают название и определение как целого, так и друг друга, — например, мясо разделяется на много кусков мяса, и каждый кусок называется мясом и принимает определение мяса. Наоборот, предмет состоит из не подобных частей, когда выделенные части не принимают ни названия, ни определения ни целого, ни друг Друга, — например, если разделить Сократа на руки, ноги и голову. В самом деле, нога или голова, отделенная от Сократа, уже не называется Сократом, равным образом нога Сократа не принимает определения Сократа или определения головы.

Или как омонимное название — на обозначаемые различия. И это разделение опять бывает двоякого рода, так как названием обозначается или нечто целое, или часть. Целое, как например, название: пес. Это название обозначает нечто целое, ибо оно употребляется и в приложении земного пса, и небесного, и морского, из которых каждый есть нечто целое, а не часть животного. Часть, когда, например, название языка прилагается и к верхней части сандалий, и к верхней части флейты, и к вкусовому органу животных — все это суть части, а не целые.

Так производится разделение, когда предмет делится сам по себе. Сообразно же акциденциям (разделение производится) или тогда, когда субстанция делится на акциденции, — например, когда я о людях скажу, что одни из них белые, другие — черные, ибо люди — субстанция, а белый цвет и черный — акциденции; или в том случае, когда акциденция делится на субстанции, — например, когда я скажу, что одни из белых предметов одушевленные, другие неодушевленные, ибо белый цвет — акциденция, одушевленные же и не одушевленные предметы — субстанции; или в том случае, когда акциденция разделяется на акциденции, — например, когда я скажу: одни из холодных предметов белые и сухие, другие — черные и сырые, ибо холод, белый цвет, черный, сырость, сухость — все это акциденции.

Есть и другой способ разделения, именно, на предметы, происходящие от одного предмета и относящиеся к одному предмету. От одного, именно, от медицины, происходят и медицинская книга, и медицинский инструмент, ибо они названы медицинскими от одного предмета — медицины. К одному предмету относятся полезное для здоровья лекарство и полезная для здоровья пища, ибо они имеют в виду один и тот же предмет — здоровье. Что касается предметов, происходящих от одного и того же предмета, то одни из них получают свое название от известной причины, — например, изображение человека получает название от истинной причины, т.е. человека; другие — потому, что они изобретены кем-либо: например, медицинский нож и тому подобные предметы.

Таково общее разделение предметов, по которому может быть разделено все, что допускает разделение: или как род на виды, или как вид на индивиды, или как целое на части, или как омонимное название на обозначаемые различия, или как субстанция на акциденции, или как акциденция на субстанции, или как акциденция на акциденции, или как предметы, принадлежащие и относящиеся к одному и тому же предмету. Впрочем, некоторые не признают деления вида на индивиды за разделение, предпочитая называть его исчислением, потому что разделение имеет два, три, очень редко четыре члена; вид же разделяется на бесконечное множество членов; ибо отдельных людей, например, бесконечное множество.

Следует заметить, что ни один способ разделения [за исключением последнего] не дает возможности видеть, что в членах деления является предшествующим по природе и что последующим, а также что выше и что ниже. Но при делении по происхождению от одного и того же предмета или по отношению к одному и тому же предмету можно видеть, что является предшествующим по природе и что последующим, а также что выше и что ниже, отсюда ведет свое начало и название.

Глава VII. О предшествующем по природе

Предшествующим по природе называется то, что полагается вместе с другим, но не полагает его, что вместе с собой устраняет и другое, но не устраняется вместе с ним. Например, животное по природе предшествует человеку, ибо, раз устраняется и не существует животное, то необходимо не будет существовать и человек, так как человек есть животное. Если же уничтожится и не будет существовать человек, существование животного возможно, ибо будет существовать лошадь, собака и подобные существа, являющиеся животными. С другой стороны, если полагается человек, то непременно полагается и животное, ибо человек есть животное. Если же полагается животное, то человек не полагается непременно, но может полагаться и лошадь, и собака, и что-либо подобное, ибо и они суть животные. Поэтому Петр не предшествует по природе Павлу или животное разумное — неразумному, ибо когда устраняется и не будет существовать Петр, Павел будет существовать, и когда полагается Павел, не полагается вместе и Петр, равно как, когда полагается Петр, не полагается вместе и Павел. Точно так же Петр не более, т.е. не в более полной степени является человеком или животным, чем Павел, равно как Павел не более, чем Петр. Но одно лекарство бывает действительнее другого, и одна медицинская книга полезнее другой.

Глава VIII. Об определении

Определение есть краткая речь, выражающая природу подлежащего, т.е. речь, обозначающая эту природу немногими словами. Например, человек есть животное разумное, смертное, способное к разумению и постижению. Многие из людей составили о природе человека слова широкие, т.е. протяженные и напыщенные, но так как они не отличаются краткостью, то поэтому они и не суть определения. С другой стороны, есть и краткие слова, как, например, изречения (αποφθεγμα), но так как ими не выражается природа вещи, то они не являются определениями. И имя, хотя оно часто выражает природу подлежащей вещи, однако не есть определение, ибо имя есть одно слово (λεξις), определение же есть речь (λογος), а речь слагается, по крайней мере, из двух различных слов. [Термин есть имя объясненное, имя же есть термин в сжатом виде]. Определение составляется из рода и из образующих (συστατικον), т.е. существенных (ουσιωδων) разностей. Это можно видеть на определении животного: животное есть одушевленная субстанция, обладающая способностью восприятия. В этом определении субстанция есть род, а одушевленность и способность восприятия — образующие разности. Составляется (определение) из материи и формы. Например, статуя есть то, что делается из меди и изображает человека. Итак, медь есть материя а «изображает человека» — форма статуи. При этом материя соответствует роду, форма же — разности. Составляется определение также из изучаемого предмета и цели. Например, медицина есть искусство, имеющее своим предметом человеческие тела, а ставит своею целью здоровье. Здесь предмет медицины — человеческие тела, цель же — ее здоровье.

Описание же слагается из несущественных признаков, т.е. свойств и акциденций. Например; человек есть животное, способное смеяться, имеющее прямую походку и плоские ногти. Все это несущественные признаки. Поэтому описание и называется (по-гречески) (υλογραφη), так как оно дает как бы тень предмета и выражает не существенное бытие, но то, что ему сопутствует. Описательное определение смешано из существенных и несущественных признаков предмета. Например, человек есть животное разумное, имеющее прямую походку и плоские ногти.

Определение (по-гречески) называется (ορισμος) от метафоры с земельными границами. Как граница отделяет собственность каждого человека от собственности другого, так и определение отделяет природу каждой вещи от природы другой.

Достоинство определения заключается в том, чтобы не быть скудным и не изобиловать словами. Недостатком же его является скудость или избыток слов. Совершенным определением будет такое, которое допускает обращение с определяемым предметом, несовершенным — такое, которое не допускает обращения. Определение скудное словами не допускает обращения. Когда определение изобилует словами, то оно уже определяемой вещи: когда же оно скудно словами, то изобилует предметами. [Таким образом можно сказать, что природа изобрела удивительное приспособление: скудость изобилующую и богатство, скрывающее скудость]. Например, совершенным определением человека будет такое определение: человек есть животное разумное, смертное. Это определение допускает обращение, ибо всякое животное разумное, смертное есть человек и всякий человек есть животное разумное, смертное. Если же в этом определении опустить одно слово, то оно будет уже шире определяемого предмета, — например, человек есть разумное животное. В этом определении опущено одно слово, так как я не добавил: смертное. Поэтому оно изобилует предметами, ибо не один человек есть разумное животное, но и ангел, поэтому же оно не допускает обращения. Если же я скажу: человек есть животное разумное, смертное и ученое, то это определение тоже не допускает обращения, ибо

оно изобилует словами, так как сказано: ученое. Поэтому оно уже определяемого предмета, ибо определяет не всякого человека, но только ученых. Действительно всякое животное разумное, смертное и ученое есть человек, но не всякий человек есть животное разумное, смертное и ученое, ибо не всякий человек — ученый.

Итак, совершенными будут те определения, которые допускают обращение с определяемым предметом. Но так как и свойство допускает обращение с тем предметом, которому оно принадлежит, — ибо если известное существо есть человек, то оно и способно смеяться, и если оно способно смеяться, то оно и человек, — поэтому мы должны, прибавляя к данному раньше определению, сказать, что совершенные определения суть те, которые состояются из рода и образующих разностей, в которых сказано не более и не менее, чем следует, и которые допускают обращение с определяемым. Равным образом (совершенными определениями) будут те, которые состояются из предмета и цели, а также из материи и формы. Иногда (совершенными являются) и такие определения, которые состоят из одного предмета, — именно, когда предмет не подлежит другому искусству, как например, стекло — стекольному искусству — и из одной цели, когда эта цель не может быть целью других искусств, как например, это имеет место в отношении кораблестроения. Из всего это следует сделать вывод, что совершенство определения заключается в его способности к обращению.

Название «определение» (ορίσμος) отличается от названия «термин» (ορος) тем, что первое уже, а второе шире. В самом деле «термин» (ορος) обозначает и земельную границу, и решение, например, когда говорим «ὠρίσεν βασιλεύς» (царь решил). Точно также он означает то, на что разлагается посылка, как мы это, с Божьей помощью, узнаем потом. Обозначает оно и определение; определение же обозначает только краткую речь, выражающую природу подлежащей вещи.

Следует принять к сведению, что определение возможно только в отношении субстанции и ее видов. Что же касается индивида и акциденций, то в отношении их определение невозможно, а только описание, так как определение составляется из рода и образующих разностей, описание же — из несущественных признаков.

Глава IX. О роде

В отношении омонимов следует доискиваться ответа на следующие три вопроса: является ли известное название омонимом, сколько предметов оно обозначает и о каком из них идет речь. Но прежде нужно сказать, что такое омоним. С омонимом мы имеем дело тогда, когда два предмета или большое число их имеют одно имя, при этом каждый из них обозначает нечто различное и имеет различную природу, принимая различные определения.

Так обстоит дело и в данном случае в отношении рода, ибо род принадлежит к числу омонимов. Во-первых, род употребляется для обозначения происхождения из определенного отечества и от определенного родителя, причем и в том, и другом случае понимается двояко: в близком и отдаленном смысле. Слово род употребляется для обозначения близкого отечества: например, происходящий из Иерусалима, называется иерусалимлянином; для обозначения происхождения из дальнего отечества: например, происходящий из Палестины называется палестинским. Подобным же образом род употребляется для обозначения происхождения от близкого родителя: например, когда Ахиллес, бывший сыном Пелея, называется Пелидом, и для обозначения происхождения от отдаленного предка. Например, когда тот же Ахиллес по деду Эаку называется Эакидом, ибо Эак был отцом Пелея. Далее родом называется отношение родоначальника ко многим происшедшим от него людям: например, все ведущие свое происхождение от Израиля, называются израильтянами. Рассмотренные значения слова род философии не касаются.

Далее, родом называется то, чему подчиняется вид. Например, животному подчиняется человек, лошадь и другие виды. Поэтому животное есть род. Об этом-то роде и говорят философы. Определяя его, говорим: род есть то, что сказывается в отношении многих и различающихся по виду предметов и отвечает на вопрос: что есть предмет? Например, животное как род сказывается в отношении человека, лошади, вола и многих других существ, различающихся между собой по виду, и отвечает на вопрос: что есть предмет? В самом деле, один вид человека, другой лошади и третий вола. Род высказывается на вопрос: что есть предмет? Когда нас спрашивают, что такое человек, мы отвечаем: животное. Так же обстоит дело и с лошадей, ибо когда нас спрашивают, что такое лошадь, мы говорим: животное. Таким образом, род есть то, чему подчиняется вид [и снова: род есть то, что разделяется на виды). В самом деле, род разделяется на виды, является более общим, чем вид, обнимает виды и есть высшее в сравнении с ними понятие.

Нужно заметить, что более общее понятие называется высшим. Напротив, менее общее, именно подлежащее в отношении своего сказуемого, называется низшим. Ибо есть подлежащее в отношении существования, именно субстанция, так как она служит основанием для существования акциденции, поскольку акциденция находится в ней. И есть подлежащее в отношении оказывания — именно менее общее, ибо сказывается род в отношении вида и вид — в отношении индивидов. Ясно, что род имеет большую общность, чем вид, и вид — большую общность, чем индивиды. Обо всем этом мы более обстоятельно, с Божьей помощью, узнаем потом. Теперь же, говоря о роде, скажем и о виде.

Глава X. О виде

Вид принадлежит к числу омонимов и употребляется в двух смыслах. Видом называется форма, а также фигура каждой вещи, например: вид статуи. Сообразно с этим говорится: первый вид достойный царства. Видом, с другой стороны, называется то существенное, что подчиняется роду. И снова: видом называется то, в чем сказывается род в форме ответа на вопрос, что есть предмет, или то, что высказывается в такой же форме о многих и различающихся численно предметах. Но два первых определения вида различаются между собой лишь относительно, как направление вверх и направление вниз, и подходят ко всякому виду. Третье же, совершенное, определение подходит лишь к самому низшему виду, ближайшему к индивидам общему понятию, обнимающему единичные сущности; в этом смысле мы, например, говорим: вид человека.

Мы сказали, что название род употребляется в трех смыслах: в смысле происхождения от родителя, в смысле происхождения из отечества — в том и другом случае в двойном смысле (близком и отдаленном) — и, в-третьих, род означает то, чему подчиняется вид. Подобно этому и вид имеет два значения: во-первых, вид означает фигуру каждой вещи и, во-вторых, то, в отношении чего сказывается род и что подчиняется роду, как член его деления. Об этом роде и виде и говорят философы.

Так как, рассуждая о роде, мы упомянули о виде, говоря: род есть то, что разделяется на виды, и снова: рассуждая о виде, мы упомянули о роде, говоря: ведь есть то, на что разделяется род, поэтому следует заметить что, подобно тому, как, говоря об отце, мы необходимо упоминаем и о сыне — ибо отцом является тот, у кого есть сын, а, говоря о сыне, необходимо упоминаем и об отце, ибо сын — тот, кто имеет отца, так и в данном случае нельзя рассуждать о роде, не касаясь вида, или о виде, не касаясь рода. Ибо род непременно разделяется на виды, и то, что не имеет видов, на которые оно делится, не есть род; равно и виды суть то, на что делится род, и то, что не имеет рода, не есть вид.

Первый человек, т.е. Адам, не называется сыном, так как не имел отца, но называется отцом, так как имел сыновей. Сиф же называется и сыном в отношении родившего его — ибо он имел отца — Адама — и отцом в отношении родившегося от него, ибо он родил Эноса. Напротив, Авель называется сыном, ибо он имел отца Адама, но не называется отцом, ибо не имел сына. То же самое нужно сказать и в отношении рола и вида. Первый род, поскольку он не есть то, на что делится другой род и не имеет предшествующего ему рода, является только родом и не бывает уже видом; этот род называется самым общим родом ($\gamma\epsilon\nu\kappa\omega\tau\alpha\tau\omicron\nu\ \gamma\epsilon\nu\omicron\varsigma$ — *genus generalissimum*), и, определяя его, говорим: самым общим родом будет тот, который, будучи родом, не есть в то же время вид, не имея над собою высшего рода. Что же касается членов деления этого рода, имеющих под собою другие виды, на которые они разделяются, то эти члены в отношении того, что им предшествует, т.е. того, чему они подчинены и что на них разделяется, будут видами, а в отношении того, на что они сами разделяются, т.е. низших понятий, — родами; поэтому они и называются подчиненными родами и видами. Последние же и низшие виды, которые не имеют под собой других видов, т.е. которые обнимают не виды, а индивиды и ипостаси ($\acute{\upsilon}\lambda\omicron\sigma\tau\alpha\sigma\epsilon\iota\varsigma$), уже не называются родом, но только видом. Основание для этого то, что, как я сказал, они не имеют под собой других видов, на которые делятся; ибо нельзя назвать родом то, что не обнимает видов или не имеет под собой видов, на которые делится. Поэтому заключающее в себе не виды, но ипостаси называется низшим видом, ибо, будучи видом, оно не есть в то же время и род, подобно тому, как род, не служащий в то же время и видом, называется высшим родом.

Следует иметь в виду, что виды необходимо принимают как наименование, так и определение рода, а род — наименование и определение своего рода и так далее до рода высшего; но один вид не может принимать определение другого вида. А чтобы сказанное стало более ясным, мы обратимся к таким примерам. Субстанция есть первый и высший род. В самом деле, хотя сущее (ον) и разделяется на субстанцию (ουσια) и акциденцию (συμβεβηκος), однако сущее не будет для них родом, так как имя сущего они принимают, а определения не принимают. Сущее есть или вещь самосуцая, не нуждающаяся в другой для своего существования, или вещь, не могущая существовать сама по себе, но имеющая свое существование в другой. Субстанция же есть только самосуцая вещь, не нуждающаяся для своего существования в другой. Таким образом, субстанция не принимает всего определения сущего. В силу этого сущее не есть род субстанции, равно как и субстанция не есть вид сущего, ибо вид принимает все определение своего рода без остатка. Но и акциденция не есть вид сущего. В самом деле, она принимает не все определение сущего, но половину, ибо акциденция есть только вещь, не могущая существовать сама по себе, а нуждающаяся для своего существования в другой. Таким образом, ни субстанция, ни акциденция не принимают всего определения сущего, но субстанция принимает одну половину, а акциденция — другую. Поэтому хотя сущее и разделяется на субстанцию и акциденцию, однако, оно не составляет их рода. Субстанция, в свою очередь, разделяется на тело и существо бестелесное. Здесь тело и бестелесное существо суть виды субстанции, ибо каждое из них принимает наименование и определение субстанции. Отсюда следует, что субстанция не есть вид, так как не имеет над собою рода, но она есть первый и высший род. В свою очередь, тело разделяется на одушевленное и неодушевленное. Здесь опять тело, будучи видом в отношении субстанции, является родом для одушевленного и неодушевленного. Одушевленное опять разделяется на ощущающее и не ощущающее. Ощущающее есть животное, которое имеет жизнь и ощущающую способность. Не ощущающее есть растение, так как оно не имеет ощущающей способности. А одушевленным растение называется потому, что оно способно к питанию, возрастанию и размножению. Животное опять разделяется на разумное и неразумное; разумное — на смертное и бессмертное; смертное — на человека, лошадь, вола и т.д.; из них некоторые уже не разделяются на другие виды, но разделяются на индивиды и ипостаси. Так, человек разделяется на Петра, Павла, Иоанна и прочих отдельных людей, которые уже не суть виды, но ипостаси. В самом деле, виды, как мы сказали, не принимают определения друг друга: например, тело не принимает определения бестелесного существа, человек не принимает определения лошади. Петр же, Павел и Иоанн принимают одно определение, определение человека. Подобным же образом дело обстоит и с прочими отдельными людьми, так что они не суть виды человека, но индивиды, или ипостаси.

Затем вид, при разделении, сообщает тому, что ему подчинено, и имя, и определение. Петр же, если его разделить на душу и тело, ни душе, ни телу не сообщает своего имени и определения, ибо Петр не есть только душа и только тело, но то и другое в соединении.

Кроме того, всякое деление рода на виды достигает двух, трех, редко четырех видов; так как не может быть того, чтобы род разделялся на пять или более видов. Человек же разделяется на всех отдельных людей, которых безграничное число. Поэтому некоторые отказываются назвать деление вида на индивиды разделением, а называют его исчислением (απαριθμησιν). Отсюда ясно, что Петр, Павел и Иоанн не суть виды, но индивиды, или ипостаси. Равным образом и человек не есть род Петра и прочих ипостасей, но вид. Вследствие этого человек есть низший вид. Он есть вид в отношении высшего, поскольку обнимается им, и вид в отношении низшего, поскольку он обнимает его, ибо то, что обнимается родом, есть вид, равно как видом является и то, что обнимает индивиды, т.е. ипостаси. Таким образом, низшим видом будет такой

вид, который служит ближайшим высшим понятием для индивидов, почему его и определяют следующим образом: низший вид есть то, что сказывается в отношении многих и различающихся численно предметов, отвечая на вопрос: что есть предмет? Подобным образом и лошадь, и собака, и др. животные суть низшие виды. То же, что лежит между самым общим родом и низшим видом, суть подчиненные роды и виды — виды в отношении высшего и роды в отношении низшего.

Они же составляют существенные и естественные разности и качества, которые называются, с одной стороны, разделяющими, а, с другой — образующими; разделяющими они называются в отношении высших понятий, а образующими в отношении низших. Так, тело и бестелесное существо разделяют субстанцию: подобным образом одушевленное и неодушевленное разделяют тело; подобным же образом ощущающее и не ощущающее разделяют одушевленное. Но те же понятия образуют животное. В самом деле, если я возьму субстанцию одушевленную, ощущающую, то получу животное, ибо животное есть субстанция одушевленная, ощущающая. Если же возьму субстанцию неодушевленную, не ощущающую, то получу растение. Далее, разумное и неразумное разделяют животное, смертное и бессмертное разделяют разумное. Поэтому, если я возьму животное, которое служит для этих понятий родом, а также разумное и смертное, то образую человека, ибо человек есть животное разумное, смертное. А если я возьму животное и прибавлю: неразумное, смертное, земное, то образую лошадь, собаку и т.д. А если я возьму животное и присоединю: неразумное, смертное, водяное, то образую рыбу. Существенными же и естественными разностями эти понятия называются потому, что через них один вид различается от другого вида и одна сущность от другой сущности и природы.

Глава XI. Об индивидуе

Слово индивид употребляется в четырех значениях. Индивидом называется то, что не рассекается и не делится, например: точка, теперь, единица; подобные предметы называются также неколичественными [т.е. не имеющими количества). Индивидом называется и то, что с трудом делится или рассыпается, например: алмаз и подобное. Индивидом называется вид, не делящийся уже на другие виды, т.е. самый низший вид, например: человек, лошадь и т.п. В собственном же смысле индивидом называется то, что, хотя и разделяется, однако после деления не сохраняет своего первоначального вида. Например, Петр делится на душу и тело. Но ни душа сама по себе не есть уже полный человек или полный Петр, ни тело. Философы и говорят об индивидуе в этом смысле, согласно которому он обозначает основывающуюся на субстанции ипостась.

Глава XII. О разности

Разность, качество и свойство в отношении предмета — нечто единое; в отношении же их действия они различаются. Так, разумность называется и качеством, и свойством, и разностью человека, но при этом она берется различным образом. Если она берется как нечто создающее и как бы образующее субстанцию, то она называется качеством. Далее, если она берется как нечто, ставшее свойственным этой субстанции, то называется свойством. А если она берется, по сравнению к неразумному, скажем, волу, мулу или собаке, то называется разностью; ибо ею человек отличается от неразумных.

Разность, в свою очередь, употребляется в трех смыслах: общем, собственном и исключительном (ἰδιαιτάτα). В самом деле, нельзя найти двух предметов, которые в каком-либо отношении не отличались бы друг от друга. Так, вид от вида отличается одним, ипостась от ипостаси того же вида и субстанции — другим, и ипостась от себя самой — третьим. Например, вид человека и вид лошади различаются между собой разумностью и неразумностью, поэтому разумность и неразумность носят название существенной разности. Подобным же образом все, чем различается вид от вида, называется естественной, существенной, образующей (συστατικῆ) видовой (εἰδολογος) разностью, или качеством [а также естественным свойством, которое неизменно присуще всему виду], которое у философов называется разностью в собственнейшем смысле (ἰδιαιτάτα), так как она сроднее природе предмета и является ее выразительницей. Далее, человек отличается от человека, лошадь от лошади, собака от собаки [т.е. индивид от индивида, принадлежащего к одному с ним виду]: так один высокого роста, другой мал; один стар, другой юн; [у одного нос плоский, у другого горбатый]; один умен, другой глуп. Все эти признаки называются несущественными свойствами и качествами и принадлежат к акциденциям, о которых мы теперь и будем говорить.

Глава XIII. Об акциденции

Акциденция есть то, что в предметах и бывает, и отсутствует, не разрушая предмета. И снова: акциденция есть то, что может одному и тому же предмету как принадлежать, так и не принадлежать. Так, человек может быть белым, а также высоким, умным, с приплюснутым носом. [Будучи налицо, ни один из этих признаков не сохраняет вида — ибо не принимается в определение вида, — и отсутствуя, не разрушает его. Так, хотя эфиоп и не бел, однако это не мешает тому, чтобы существовал человек. Таким образом, присутствует ли этот признак, или отсутствует, он не наносит ущерба подлежащей субстанции, ибо мы сказали, что субстанция есть подлежащее акциденций, некая материя их].

Акциденция бывает двух видов: разность в общем смысле и разность в собственном смысле. Разностью в общем смысле будет отделимая акциденция, например, один сидит, а другой стоит. В самом деле, разности между сидящим и стоящим допускают отделение, и одна может занимать место другой, что и произойдет, если сидящий встанет, а стоящий сядет. Равным образом, говоря о различии от самих себя, мы имеем в виду отделимую акциденцию, ибо от самих себя мы различаемся тем, что сидим или встаем, бываем молоды или стареем, болеем или находимся в добром здравии. Что касается разности в собственном смысле, то такую разностью будет неотделимая акциденция, например: плоский нос. Плоского носа уже нельзя отнять у человека, равно как и синеватых глаз и подобного. Такими неотделимыми акциденциями и различаются индивид от индивида, т.е. одна ипостась от другой ипостаси. Но сами от себя этими акциденциями мы никогда не отличаемся. Для определения неотделимые акциденции не имеют значения, ибо человек может иметь плоский нос, а может и не иметь плоского носа. И если у человека глаза не имеют синевы, он тем не менее остается человеком.

Глава XIV. О свойстве

Свойство употребляется в четырех смыслах. Во-первых, свойством называется то, что принадлежит только одному виду, но не всему, как например, человеку — быть геометром. Один только человек — геометр, однако не всякий человек бывает геометром. Во-вторых, то, что принадлежит всему виду, но не одному ему, как, например, две ноги. У всякого человека две ноги, но не один человек имеет две ноги, а также и голубь и подобные. В-третьих, то, что принадлежит всему виду и одному этому виду, но не всегда, как, например, седина — человеку. Седина может быть у всякого человека и у одного только человека, но не всегда, а лишь в старости. В-четвертых, то, что имеет место при совпадении трех первых случаев, т.е. когда что-либо принадлежит всему виду, одному этому виду и всегда допускает обращение. Так, например, способность смеяться принадлежит человеку, способность ржания — лошади и тому подобное. Один только человек имеет способность смеяться, притом всякий человек и всегда, хотя он и не всегда пользуется ею. [И если какое-либо существо есть человек, то оно, непременно, способно смеяться, и если оно способно смеяться, то, непременно, есть человек, в этом и состоит обращение. Философы понимают свойство в этом последнем смысле]. Определяя его, мы говорим: свойство есть то, что принадлежит всему виду, одному этому виду и всегда. Но свойства бывают трех родов: одни заимствуются от способа организации [т.е. от форм членов организма], например: плоские ногти [а также прямая походка] — у человека. Другие заимствуются от способности, например, у огня нестись вверх; третьи заимствуются от силы: например, мы говорим, что огню принадлежит согревающая сила, превосходящая теплоту других тел.

Свойство называется несущественным ($\epsilon\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\omega\delta\epsilon\varsigma$) или сопутствующим сущности ($\epsilon\pi\epsilon\iota\sigma\omicron\upsilon\sigma\iota\omega\delta\epsilon\varsigma$).

Глава XV. О сказуемом

Всякое сказуемое или шире подлежащего, или равно ему; но уже подлежащего оно никогда не бывает. Сказуемое бывает шире подлежащего в том случае, когда более общее высказывается о менее общем; более же общими являются высшие понятия, а менее общими — низшие. Самое общее из всех понятий есть сущее: поэтому оно и высказывается обо всем. В самом деле, и субстанция называется сущим, и акциденция называется сущим. Но мы не можем сказать, что сущее есть субстанция, ибо не только субстанция есть сущее но и акциденция. Равным образом и роды высказываются о видах, так как они более общи, виды же не высказываются об их родах. Виды менее общи, чем роды. Поэтому, субстанция высказывается о животном, а животное о человеке, ибо и животное есть субстанция, и человек есть субстанция. Но эти суждения не допускают обращения, ибо всякий человек есть животное, но не всякое животное есть человек: и лошадь, и собака будут тоже животные. Равным образом не всякая субстанция есть животное, ибо и камень, и дерево — субстанции, но они не животные. Подобным же образом вид высказывается об обнимаемых им индивидах, т.е. ипостасях, так как ему принадлежит большая общность, чем им. Но индивид, или ипостась, не высказывается о виде, ибо ипостась имеет меньшую общность, чем вид. Поэтому и Петр есть человек, и Павел есть человек; но не всякий человек — Петр или Павел: есть и другие ипостаси вида человек. Что касается разностей, то они высказываются и о видах, которым принадлежат, и об индивидах этих видов, ибо разностям принадлежит большая общность, чем видам. Так «разумное» имеет большую общность, чем вид — человек: всякий человек разумен, но не всякое разумное существо — человек; так, например, ангел, хотя и разумен, тем не менее он не человек. Таковым бывает сказуемое, когда оно шире подлежащего.

Сказуемое равно по объему с подлежащим, когда оно допускает обращение. Так, свойства высказываются о видах, коим они принадлежат; и виды сказываются о своих свойствах. Всякий человек обладает способностью смеяться, и всякий, обладающий способностью смеяться, есть человек. Ибо хотя и говорят об обезьяне, что она смеется, однако она не смеется сердцем, а лишь по наружному виду, так как она подражательное животное. Таким образом, когда род высказывается о виде, разность о виде, вид — об индивиде; то сказуемое бывает шире подлежащего. Когда же высказываются свойства, то сказуемое бывает равно с подлежащим. Такое сказуемое называется чисто обращаемым и допускающим взаимное с подлежащим предикатирование.

Глава XVI. О сказуемом синонимическом и омонимическом

Сказуемое бывает синонимическим тогда, когда подлежащее принимает и название, и определение самого имени. Например, животное высказывается о человеке, и человек принимает как название, так и определение животного. В самом деле, животное есть субстанция одушевленная, чувствующая, и человек принимает это определение, ибо человек есть субстанция и одушевленная, и чувствующая.

Сказуемое бывает омонимическим тогда, когда подлежащее имя принимает, а определения нет. Например, изображение человека принимает название человека, определения же человека не принимает. В самом деле, определение человека таково: животное разумное, смертное, способное к разумению и познанию. Напротив изображение и не животное (ибо оно не одушевлено), и не разумно, и не способно к разумению и познанию.

Следует заметить, что все, что синонимически высказывается о каком-либо предмете как подлежащем, будет высказываться и о том предмете, которое служит подлежащим в отношении первого. Например, животное синонимически высказывается как о подлежащем о человеке, а человек говорится о Петре, ибо Петр есть подлежащее в отношении человека. Поэтому животное высказывается и о Петре, так как Петр — животное.

Подлежащее употребляется в двух смыслах: в смысле основы существования и в смысле предмета высказывания. В смысле основы существования субстанция, например, лежит под акциденциями: на ней они имеют свое бытие и помимо нее не существуют. Подлежащим в отношении высказывания является менее общее, ибо менее общее лежит в отношении оказывания под более общим, когда это более общее сказывается о менее общем. Например, животное сказывается о человеке. Об общем говорят, что оно относится к подлежащему, а о более частном, что оно есть подлежащее в отношении оказывания. Равным образом об акциденции говорится, что она находится в субстанции как подлежащем, а о субстанции, что она есть подлежащее, составляя основу существования.

Глава XVII. О сказуемом, отвечающем на вопрос: что есть предмет? и каков предмет?

Сказуемое, отвечающее на вопрос: что есть предмет? отлично от сказуемого, отвечающего на вопрос: каков предмет? Сказуемое первого рода имеет место, например, тогда, когда, отвечая на вопрос: что есть предмет? мы говорим: животное. Сказуемое второго рода имеет место тогда, когда, отвечая на вопрос: какое животное, мы говорим: разумное, смертное. Таким образом, и род, и вид отвечают на вопрос: каков предмет. А ипостась не выражает ни что есть предмет, ни каков он, но кто. Ибо, отвечая на вопрос, кто это такой, мы говорим: Петр. Затем, отвечая на вопрос, какой человек, — мы говорим: большого роста, например, или малого.

Следует заметить, что о предметах, различающихся по природе, говорят: одно и другое. Так мы говорим: человек — одно ($\alpha\lambda\lambda\omicron$), а лошадь — другое ($\alpha\lambda\lambda\omicron$): другое, разумеется, по природе, ибо человек составляет один вид, а лошадь — другой. О предметах же, различающихся лишь численным порядком, говорят: один и другой. Так мы говорим: Петр один ($\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$), а Павел другой ($\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$). Но мы не можем сказать, что Петр — одно ($\alpha\lambda\lambda\omicron$), а Павел — другое ($\alpha\lambda\lambda\omicron$), иначе солжем, ибо по природе они единое, по числу же не составляют одного.

Следует заметить что о субстанции говорится «одно» ($\alpha\lambda\lambda\omicron$). То же самое нужно сказать и о существенных разностях. Но об акциденции говорят: одного, другого качества ($\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\omicron\nu$), потому что существенные разности рассматриваются относительно вида или природы и образуют ее, акциденция же рассматривается относительно индивида, так как акциденции составляют ипостась. Поэтому человек — одно а лошадь — другое. Петр же одного свойства ($\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\omicron\varsigma$) и один ($\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$), а Павел другого свойства ($\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\omicron\varsigma$) и другой ($\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$). Но всякая разность, существенная и несущественная, полагает различие ($\acute{\epsilon}\tau\epsilon\rho\omicron\iota\omicron\nu \lambda\omicron\iota\epsilon\iota$) ибо под различием нужно понимать как другое по природе, так и другое со стороны качества ($\alpha\lambda\lambda\omicron\iota\omicron\nu$).

Природа обозначает, что есть предмет, а ипостась — кто это такой или что это такое: всякая же разность — каков предмет.

Глава XVIII. Сходства и различия пяти названий

Следует заметить, что пять названий имеют между собой то сходство, что все они сказываются о многих предметах . Различаются же они друг от друга тем, что род сказывается о многих предметах, различающихся между собой по виду, и отвечает на вопрос: что есть предмет? вид сказывается о многих предметах, различающихся между собою числом, и отвечает на вопрос: что есть предмет? разность же и акциденция сказываются о многих различающихся между собою по виду предметах и отвечают на вопрос: каков предмет? свойство сказывается о многих предметах, различающихся между собой числовым порядком, т.е. сказывается об одном виде и подчиненных ему индивидах , и отвечает на вопрос: каков предмет? Отличается же разность от акциденции тем, что разность есть существенное качество, т.е. является частью, подлежащей субстанции, акциденция же есть не часть субстанции, но несущественное ее качество.

Глава XIX. Сходство и различие между родом и разностью

Сходство между родом и разностью состоит в том, что как тот, так и другая обнимают вид и синонимически сказываются о видах и индивидах. При этом следует заметить, что то, что синонимически сказывается о чем-либо как о подлежащем будет синонимически сказываться и о подлежащем этого подлежащего; напротив то, что высказывается омонимически, никогда. Различие же рода от разности состоит в том, что род шире подчиненных ему разностей и трех других названий; что род обнимает разности силой; что род отвечает на вопрос: что есть предмет, а разность — каков предмет? что ближайший род — один, а разностей много; что род соответствует материи, разность же — форме.

Глава XX. Сходство и различие между родом и видом

Сходство между родом и видом состоит в том, что и тот, и другой сказываются о многих предметах и отвечают на вопрос: что есть предмет? что и тот, и другой по природе предшествуют подчиненным им понятиям; что и тот, и другой есть нечто целое (ὅλον τι). Различие же между родом и видом состоит в том, что роду принадлежит большая общность, чем виду; что у вида более разностей, чем у рода; что род синонимически сказывается о виде, вид же не сказывается о роде; что не может быть самого низшего рода (γένος εἰδικώτατον), ни самого высшего вида (εἶδος γενικώτατον), равно как самое низшее понятие не будет родом.

Глава XXI. Сходство и различие между родом и свойством

Сходство между родом и свойством состоит в том, что как род, так и свойство следуют видам, т.е. сказываются о них, что как род, так и свойство совпадают по объему со своим подлежащим; что и род, и свойство сказываются синонимически.

Разница же между родом и свойством та, что род сказывается о многих видах, свойство же — об одном; что свойство допускает обращение с видом, род же — нет; что свойство принадлежит только одному виду. род же не только одному.

Глава XXII. Сходство и различие между родом и акциденцией

Сходство между родом и акциденцией состоит в том, что и род, и акциденция сказываются о многих предметах. Разница же между ними состоит в том, что род предшествует тем видам, которым принадлежат акциденции, акциденции же являются по отношению к видам последующими; что род принадлежит всем видам в одинаковой степени, акциденции же — не в одинаковой; что акциденция прежде всего принадлежит индивидам, а затем уже видам, — род же — наоборот; что род в сказуемом отвечает на вопрос: что есть предмет? акциденция же — на вопрос: каков предмет? или в каком состоянии находится предмет?

Глава XXIII. Сходство и различие между разностию и видом

Сходство между разностию и видом то, что и разность, и вид принадлежат предметам в одинаковой степени; что они всегда бывают налицо у тех предметов, которым принадлежат. Особенности разности и вида состоят в том, что разность в сказуемом отвечает на вопрос: каков предмет? вид же на вопрос: что есть предмет? что разность обнимает множество видов, а также индивидов, вид же обнимает лишь подчиненные ему индивиды; что разность по природе предшествует видам; что одна разность сочетается с другой разностью, вид же с видом никогда не сочетается.

Глава XXIV. Сходство и различие между разностью и свойством

Сходство между разностью и свойством то, что и разность, и свойство сказываются о тех предметах, которым они принадлежат, что они присущи им всегда и притом всему виду. Особенности же разности и свойства состоят в том, что разность обнимает множество видов, свойство же только один, что разность не допускает обращения с видом, свойство же допускает.

Глава XXV. Сходство и различие между разностью и акциденцией

Сходство между разностью и акциденцией состоит в том, что и та, и другая сказываются о многих предметах и отвечают на вопрос: каков предмет? а также в том, что и разность, и неотделимая акциденция всегда принадлежат тем предметам, о которых они высказываются. Различие же разности и акциденции состоит в том, что разности объемлют (περιεχουσιν) другие понятия, сами же не объемлются ничем другим, а акциденции объемлются. В самом деле, как разность, так и акциденция объемлют виды, поскольку они высказываются о многих видах. Но разность не объемлется видами, так как один и тот же вид не принимает противных разностей. Акциденция же объемлется другими понятиями, так как один и тот же вид и один и тот же индивид принимают множество акциденций, которые часто бывают даже противоположными друг другу. [Далее разность и акциденция различаются между собой тем], что разность не бывает более или менее, акциденции же бывают; что противные разности не соединены между собой, противные акциденции соединяются друг с другом.

Глава XXVI. Сходство и различие между видом и свойством

Сходство между видом и свойством заключается в том, что они взаимно сказываются друг о друге или допускают обращение друг с другом; что они в одинаковой степени принадлежат индивидам, так как один индивид не участвует в них более или менее другого индивида. Различие же между видом и свойством состоит в том, что вид есть существенное в предмете, свойство же — несущественное; что вид всегда актуален, свойство же всегда потенциально и [не всегда] актуально; что, имея различные определения, они и сами, разумеется, являются различными.

Глава XXVII. Сходство и различие между видом и акциденцией

Сходство между видом и акциденцией состоит в том, что и вид, и акциденция сказываются о многих предметах. Различие же между ними то, что вид в сказуемом отвечает на вопрос: что есть предмет? акциденция же — на вопрос: каков предмет? что предмет может принадлежать лишь одному виду, акциденций же у него может быть несколько; что вид по природе предшествует акциденции; что вид принадлежит индивидам в одинаковой степени, акциденция же может принадлежать и в большей, и в меньшей степени.

Глава XXVIII. Сходство и различие между свойством и неотделимой акциденцией

Сходство между свойством и неотделимой акциденцией состоит в том, что предметы, которым³ они принадлежат, не могут без них существовать, а также в том, что оба они принадлежат предметам всегда. Различие же между свойством и акциденцией состоит в том, что свойство принадлежит одному виду, акциденция же — многим видам; что свойство допускает обращение с видом, акциденция же нет; что акциденция допускает определение: более или менее, свойство же никогда.

Глава XXIX. Об ипостаси, ипостасном и неипостасном

Слово «ипостась» (ἰποστάσις) имеет два значения. Взятое в общем смысле (ἁπλῶς), оно означает субстанцию вообще. В собственном же смысле «ипостась» означает индивид, а также всякое отдельное лицо. Подобным же образом и слово «ипостасное» (ἐνυποστάτου) имеет два значения, ибо оно означает и сущее вообще — в этом смысле мы называем ипостасным не только субстанцию вообще, но и акциденцию; но оно означает и отдельную ипостась, или индивид. Слово «неипостасное» (ἀνυποστάτου) также имеет два значения. Неипостасным называется и то, что никогда и никаким образом не существовало; неипостасным снова называется и акциденция, так как акциденция не имеет самостоятельного существования, но существует в субстанции.

Глава ХХХ. О сущности, природе и форме; об индивидуе, лице и ипостаси

Языческие философы, как уже было сказано, различали субстанцию (οὐσία) и природу (φύσις). Именно, субстанцией они называли бытие вообще, природой же — субстанцию, определенную ее существенными разностями и соединявшую с бытием вообще качественную определенность бытия: разумную или неразумную, смертную или бессмертную, или, как сказали мы, неизменное и непреложное начало, причину, силу, вложенную в каждый вид Творцом для движения: ангелам — для разумения и сообщения друг другу своих мыслей, без помощи произносимого слова; людям — для разумения, размышления и сообщения друг другу, при помощи произносимого слова, своих внутренних мыслей; у неразумных животных — силу жизни, ощущения и дыхания; у растений — способность питания, произрастания и рождения; у камней — способность нагреваться и охлаждаться, а также свойственное неодушевленным предметам перемещение с места на место, под действием другого движения. Это они называли природой, т.е. самые низшие виды (τὰ εἰδικωτάτα εἶδη), например, ангела, человека, лошадь, собаку, вола и т.п., — которые отличаются большею общностью, чем ипостаси, и обнимают их, заключаясь в каждой обнимаемой ими ипостаси равным и неизменным образом. Таким образом, ипостасью они называли более частное; более же общее и обнимающее ипостаси они называли природой; наконец, существование вообще они называли субстанцией.

Но святые отцы, отказавшись от бесполезных словопрений, общее и о многих предметах высказываемое, т.е. низший вид называли субстанцией (οὐσίαν), природой (φύσιν) и формой (μορφήν), — например, ангела, человека, собаку и т.п. В самом деле, (слово) οὐσία — субстанция — происходит от (глагола) εἶναι, а φύσις — природа — от глагола φεφύκεναι, но εἶναι и φεφύκεναι означают одно и то же — быть, существовать. Равным образом слова εἶδος — вид и μορφή — форма — имеют значение одинаковое со словом phusis — природа. Единичное же (μερικόν) они называли индивидуом (ἄτομον), лицом, ипостасью, например, Петра, Павла. Ипостась же должна иметь субстанцию с акциденциями, существовать сама по себе и созерцаться через ощущение, или актуально (ἐνεργεία). Две ипостаси не могут не различаться между собою акциденциями, раз они различаются друг от друга числом, Следует заметить, что характеристические свойства, это — акциденции, характеризующие ипостась.

«Главы из Аристотеля. Существует ли что-либо; что существует; каким оно существует; по причинам чего существует?»

Глава XXXI. Об омонимах

Омонимами называются предметы, имеющие одно и то же название, по различающиеся между собой определением или описанием. Например, собака есть омоним, ибо это название означает и земную, и морскую собаку. Но собака земная имеет одно определение, а собака морская — другое, так как природа той и другой собаки различна. Определяют же омонимы так: омонимами называются такие предметы, которые имеют только общее имя (ονομα), но у которых понятие сущности ($\text{ο λογος της ουσιας}$), относящееся к имени, различно. Под понятием (λογος) здесь разумеется определение или описание. Слова же: «соответствующее имени» (κατα τουνομα), указывают на то, что существует и другое определение того же самого имени, в силу чего и образуются омонимы. Например, земная и морская собаки в отношении названия: собака — омонимы. В самом деле, если бы кто пожелал дать определение земной и морской собаки, поскольку каждая из них называется собакой, то он дал бы земной собаке одно определение, а морской собаке — другое. При этом они могут иметь общее и в имени, и в определении, ибо и та, и другая собака называются животными и принимают определение животного. Однако, в отношении имени животного они не суть омонимы, а скорее синонимы. В отношении омонимов следует искать разрешения следующих трех вопросов: принадлежат ли известные предметы к числу омонимов? Сколько предметов обозначается одним именем? О каком из обозначаемых предметов идет речь?

[По мнению древних, подобие (ομοιοτης) употребляется в четырех смыслах и относится только к качеству; но, по мнению новейших, оно касается прежде всего, преимущественно и субстанции, и качества: субстанции, например, когда мы говорим, что люди подобны (ομοιοιους) ангелам, вместо: равны им, хотя со стороны своих качеств они совершенно различны друг от друга, — подобным же образом мы говорим и о лошадях, и о лебедях, и прочее. Так как подобие в этом смысле иногда не имеет никакого различия, а иногда имеет некоторое различие, то еретики, желая умалить достоинство Сына, называли Его подобным Отцу и, благодаря неопределенности обозначения, увлекали к дурному простых людей. Поэтому и великий Василий говорит: «и я принимаю [выражение «подобное по сущности»], если к нему присоединяется: «без различия»". Таково подобие со стороны субстанции. Подобие же со стороны качества имеет место не в отношении лишь того или другого качества, но в отношении всякого качества, т.е. фигуры, формы, цвета, искусства, добродетели и всего, что подходит под понятие качества.

Самое подобие (ομοιοτης) бывает четырех родов: или в одном виде и в отношении одного качества; как мы называем подобными друг другу членов одного и того же вида, — например, эфиопов мы называем подобными друг другу в отношении черного цвета, а лебедей, в свою очередь, в отношении белого. Таким образом, одни и те же предметы оказываются в двояком отношении подобными друг другу: и со стороны субстанции, и со стороны наружности, например, по цвету. Или в различных видах, но в отношении одного и того же качества; так, например, перец белый и перец черный подобны друг другу в отношении качества. Или в одних и тех же видах, но с различными качествами, — например, дикий голубь подобен домашнему по своей белой, коричневой и черной окраске, а равно и в других отношениях; но качество того и другого различно. Четвертое подобие есть подобие изображения и оригинала, например подобие между животным нарисованным и живым. В этом смысле, говорят, и мы подобны Богу. Однако, при ближайшем рассмотрении, [наше подобие Богу] совершенно отлично [от этого вида подобия], ибо изображение и оригинал не имеют ничего общего, кроме имени и фигуры. Человек же в самой действительности имеет общее с Богом — разумею благодать, мудрость и

силу — хотя и не в одинаковой степени: Бог обладает этими свойствами по природе, мы же — по Его соизволению, причем один — в одной степени, а другой — в другой. Поэтому мы не только от Бога безгранично отличаемся, но соответствующим образом отличаемся и друг от друга. Итак, подобие имеет место как между теми предметами, которые происходят от одного предмета, так и между теми, которые стоят в отношении к одному предмету].

Глава ХХХІІ. О синонимах

Синонимы суть такие предметы, которые имеют как общее имя, так и общее определение и описание этого имени. Например, «животное» означает и человека, и лошадь. В отношении этого имени, т.е. животного, они суть синонимы, ибо каждое из них принимает как имя, так и определение животного. Определяют же синонимы так: синонимами называются такие предметы, у которых и имя и соответствующее имени понятие сущности суть общие.

Глава XXXIII. О полионимах

Полионимы суть такие предметы, которые по определению совпадают, а по имени различаются. Это, именно, бывает в том случае, когда один и тот же предмет называется многими именами. Например: нож, меч широкий и узкий, кинжал, клинок. Все эти названия принимают одно определение, именно такое: обоюдоострое железо, т.е. железо, отточенное с обеих сторон. Определяют полионимы так: многие имена, прилагаемые к одному и тому же предмету.

Глава XXXIV. О различных и разноименных предметах

Предметы, различающиеся между собою в обоих отношениях, т.е. как по имени, так и по определению, или имеют одну основу и называются разноименными (гетеронимами), например: восхождение и нисхождение, ибо они имеют одну общую основу — лестницу; или же не имеют одной основы и называются различными, например субстанция и акциденция; ибо они имеют и различное наименование, и различное определение и не имеют одной общей основы.

Определение тех и других, т.е. как разноименных, так и различных таково: «у которых и название, и определение различны».

Глава XXXV. О паронимах

Есть такие предметы, которые занимают среднее положение между омонимами и синонимами и как по имени, так и по определению отчасти совпадают, отчасти различаются. Они называются паронимами, т.е. производными: так от грамматики производится грамматик. Грамматик и грамматика имеют общее в наименовании, но различаются окончанием наименования, т.е. последним слогом. Точно так же и со стороны определения они и совпадают, и различаются: грамматика есть знание, а грамматик — существо, которому это знание принадлежит. Итак, паронимы суть такие предметы, которые получают название от другого названия, отличаясь от него своим окончанием, т.е. окончанием названия.

Следует заметить, что грамматика, музыка, справедливость не суть паронимы, а паронимами будут музыкант, грамматик, справедливый; ибо грамматик производится от грамматики, музыкант — от музыки, справедливый от справедливости.

Следует также заметить, что паронимы обнимают те предметы, от которых они получили свое название: так грамматику присуща грамматика, справедливому — справедливость. Те же предметы, которые получили название по происхождению от определенного предмета, — никогда, ибо медицинский инструмент не обнимает медицины.

Глава XXXVI. О десяти самых общих родах

Все то, что говорится, говорится (или) просто и без связи, например: субстанция, акциденция и тому подобное, (или) в связи, например, лошадь бежит, Сократ философствует. Из всего, что говорится просто, без связи, одно обозначает субстанция, например: человек, лошадь; другое — количество, например, два, три, двойной, тройной; третье — отношение, например, отец, сын; четвертое — качество, например, белый, черный; пятое — место, например, на корабле, на площади; шестое — время, например, в прошлом году, вчера, сегодня; седьмое — положение, например, стоять, сидеть; восьмое — состояние, например, быть одетым, быть обутым; девятое — действие, например, течь, резать; десятое — страдание, например, подвергаться жжению, резанию. Эти десять видов названий именуются категориями, т.е. сказуемыми, поскольку они говорятся относительно чего-либо — ибо сказывать (το αὐορεϋειν) значит говорить.

Должно знать, что каждая из этих десяти категорий есть самый общий род. Но из этих десяти категорий, самых общих родов, только одна — субстанция; остальные же девять — акциденции. Перечень категорий таков: 1) субстанция, 2) количество, 3) отношение, 4) качество, 5) время, 6) место, 7) положение, 8) состояние, 9) действие, 10) страдание.

Глава XXXVII. Об однородном и принадлежащем к одному и тому же виду, о разнородном, разнovidном и различающемся числом

Однородны те предметы, которые находятся под одной и той же категорией [например, человек и лошадь]. Разнородны те предметы, которые находятся под различными категориями [например, животное и знание], ибо эти предметы различаются между собой родом. К одному и тому же виду принадлежат те предметы, которые подчинены одному и тому же виду и имеют общее в определении сущности, например: Петр и Павел. Разно-видны те предметы, которые различаются друг от друга видом, т.е. те, которые различаются определением сущности, например: человек, лошадь. Числом же различаются те предметы, свойство (ιδιότης) ипостаси которых определяется через сочетание акциденций и которое получили самостоятельное бытие, т.е. индивиды, как Петр и Павел и каждый из людей.

У всех разнородных предметов и разности бывают различными в отношении вида, — например, разности животного и знания. В самом деле животное подчинено категории субстанции, а знание — категории качества. У животного разности — образующие: одушевленность, чувствительность; разделяющие: разумное, неразумное, крылатое, земное, водяное. У знания образующие разности: принадлежность существам одушевленным и разумным, а также неизменность; разделяющие: грамматика, философия. К какой категории принадлежит род, к той же категории принадлежит и вид, и разность этого вида. Но что касается подчиненных родов и видов, то ничто им не мешает иметь те же самые разности, хотя и не все, например: для животного невозможно произвести не животного. Под разностями здесь я разумею такие, которые образуют роды и виды.

Следует знать, что каждая из девяти категорий — не считая субстанций, — хотя она и есть акциденция, однако имеет образующие и разделяющие разности; каждая (ἐκαστή, а не ἐκαστή) из них является самым высшим родом и имеет виды, подчиненные роды и самые низшие виды. Ибо несомненно, что, где род, там и виды и разделяющие разности, так как именно последние разделяют род на виды. Равно как, где виды, там и образующие разности, ибо они образуют виды.

Название «одно» (το εν) употребляется в трех смыслах: или в отношении рода; например, — человек и лошадь со стороны рода суть одно и то же, ибо они подчиняются одному роду — животное. Или в отношении вида: так мы говорим, что Сократ и Платон, принадлежащие к одному виду — человек, со стороны вида одно и то же. Или в отношении числа: например, о Сократе мы говорим, что сам по себе он есть один, отличаясь от прочих людей.

Глава XXXVIII. О том, что находится в другом

То, что находится в другом, находится в нем одиннадцатью различными способами:

1) Как род в виде, — например, животное в определении человека.

2) Как вид в роде — например, человек в разделении животного.

3) В смысле места, — например, священник в храме.

4) В смысле времени, — например, Ной во время потопа.

5) В смысле сосуда, — например, вино в чаше.

6) Как целое в частях, — например, Сократ в его членах: голове, руках, ногах. Впрочем,

целое здесь находится не в другом, а в других.

7) Как часть в целом, — например, голова, рука в Сократе.

8) Как форма в веществе, — например форма статуи в меди.

9) Как в производящей причине, — например, все — в Боге.

10) Как в конечной причине, — например, ложе в отдыхе людей, ибо ради этого отдыха

готовится ложе.

11) Как в основном субстрате, например, белье на теле. Должно знать, что «части целого»

говорят, «целое же части» никогда, но «целое в частях».

Глава XXXIX. Еще о субстанции

Субстанция есть самосуцащая вещь, не нуждающаяся для своего существования ни в чем другом; и снова: субстанция есть то, что в самом себе является ипостасным (αὐθυλοστατον) и не имеет своего бытия в другом, т.е. то, что существует не через другое и не в другом имеет свое бытие и не нуждается в другом для своего существования; но существует само по себе, — в чем и акциденция получает свое бытие. Цвет существует ради тела, чтобы окрашивать его, а не тело ради цвета. Равным образом цвет имеет свое бытие в теле, а не тело в цвете, почему и говорят «цвет тела», а не «тело цвета». Поэтому при частых переменах и изменениях цвета субстанция, т.е. тело, не изменяется, но остается той же самой.

(По-гречески) субстанция называется οὐσία — от εἶναι, существовать [по преимуществу; акциденция же — συμβεβηκος от συμβαίνειν — случаться и иногда быть, а иногда и не быть, потому что определенный предмет может иметь одну и ту же акциденцию, может и не иметь ее, но иметь противоположную].

Глава XL. О природе

Природа есть начало движения и покоя каждой вещи. Так земля движется, в смысле произведения растений; покоится, в смысле перехода с места на место, ибо она не движется с одного места на другое. Итак, начало и причина движения и покоя, которыми свойственно вещи двигаться и покоиться, свойственно по существу, или по природе, а не случайно, — называется природой, поскольку она так создана и так существует. Природа есть не что иное, как субстанция; ибо от субстанции вещь имеет такую способность, т.е. способность движения и покоя, и субстанция есть причина определенного движения и покоя.

[Греческое название природы] φύσις происходит от γένεσις — родиться.

Глава XLI. О форме

Форма (μορφή) есть субстанция, формированная и специализированная существенными разностями (διαφορά); это, именно, и есть самый низший вид. Так, субстанция, формированная и специализированная признаками тела одушевленного и чувствующего и составляющая животное, если к ней присоединить еще признаки разумности и смертности, составит вид человека. Этот самый низкий вид называется формой в качестве формированной субстанции.

Святые отцы самому низшему виду прилагают название и субстанции, и природы, и формы, утверждая, что субстанция, природа, форма — самый низший вид одно и то же. Поэтому индивиды, подчиненные одному и тому же самому низшему виду, у них называются единосущными, имеющими одну природу, один вид, один род и одну форму. Различными же по сущности, природе, виду, роду и форме, они называют самые низшие виды. В самом деле, невозможно, чтобы один вид в отношении другого вида, одна природа в отношении другой природы, или субстанции, не были различны и по сущности, и по природе, и по форме.

Следует заметить, что из двух субстанций, или природ, не может образоваться одна сложная; ибо невозможно, чтобы в одной и той же вещи находились образующие разности противоположного свойства. Но из различных природ может образоваться одна ипостась (ὑπόστασις): так человек составлен из души и тела. Хотя природа людей и называется единой, тем не менее каждый в отдельности человек не называется существом единой природы. Сложная природа людей называется единой потому, что все сложные ипостаси людей сводятся к одному виду. Но каждый отдельный человек не называется существом единой природы, так как каждая ипостась людей состоит из двух природ, именно: души и тела; причем она сохраняет их в себе не-слиянными, доказательством чего служит разделение, происходящее вследствие смерти.

Глава XLII. Об ипостаси

Название: «ипостась» имеет два значения. Иногда оно означает простое бытие. Согласно этому значению, субстанция и ипостась одно и то же. Поэтому некоторые из святых отцов говорили: «природы, или ипостаси». Иногда же название; ипостась, обозначает бытие само по себе, бытие самостоятельное. Согласно этому значению, под ним понимается индивид, отличающийся от других лишь численно, например, Петр, Павел, какая-либо определенная лошадь.

Следует заметить, что ни субстанция не существует сама по себе без вида, ни существенная разность, ни вид, ни акциденция, но одни только ипостаси, или индивиды. В них созерцаются (θεωροῦνται) и субстанции, и существенные разности, и виды, и акциденции. При этом простая субстанция созерцается одинаково во всех ипостасях: в неодушевленных и одушевленных, разумных и неразумных, смертных и бессмертных. Напротив, существенные разности у неодушевленных иные, чем у одушевленных; у разумных — иные, чем у неразумных; у бессмертных — иные, чем у смертных. Одним словом, ипостасям каждого самого низшего вида свойственны одни и те же существенные разности, которые, с одной стороны, соединяют их друг с другом через понятие субстанции, с другой, отделяют их от ипостасей другого вида. Подобным же образом созерцаются в них, т.е. в ипостасях, и акциденции, обособляя каждую ипостась от ипостасей того же вида. Поэтому индивид и называется по преимуществу именем ипостаси, ибо (только) в нем получает действительное существование (ενεργεῖα ὑφίσταται) субстанция вместе с ее акциденциями.

Глава XLIII. О лице

Лицо есть то, что в своих действиях и свойствах обнаруживается ясным и определенным образом, отличным от способа обнаружения однородных существ. Например, Гавриил, беседуя с Пресвятой Богородицей, был одним из ангелов, но непосредственно беседовал с ней только он один, отличаясь от единосущных с ним ангелов присутствием в определенном месте и тем, что он беседовал, И Павел, когда он держал речь на лестнице, был одним из числа людей, но своими свойствами и действиями он выделялся из всех других людей.

Следует заметить, что святые отцы названиями: ипостась. лицо и индивид, обозначали одно и то же: именно то, что, состоя из субстанции и акциденций, существует само по себе и самостоятельно, различается числом и выражает известную особь, например Петра, Павла, определенную лошадь.

Название ипостась ὑποστασις, происходит от ὑφισταμαι, стоять в основании чего-либо.

Глава XLIV. Об ипостасном

Название «ипостасный» также иногда обозначает простое бытие. В этом смысле ипостасной мы называем не только чистую субстанцию, но и акциденцию. Однако, последняя, собственно говоря, не ипостасна, а етероипостасна. Иногда же оно **означает самосушную ипостась, т.е. индивид. Однако, последний в строгом смысле не есть нечто ипо-стасное, но есть самая ипостась и называется так. В собственном смысле ипостасным называется то, что не существует само по себе, но созерцается в ипостасях: так вид, или природа людей не созерцается в собственной ипостаси, но в Петре, Павле и в прочих человеческих ипостасях, — или то, что соединяется с другим, субстанциально различным, в нечто целое и образует одну сложную ипостась. Так человек составлен из души и тела, причем ни душа, ни тело, взятые в отдельности, не называются ипостасями, но ипостасными; то же, что образуется соединением обоих, называется их ипостасью, ибо ипостасью в собственном смысле называется то, что существует само по себе и самостоятельно.**

Кроме того, ипостасной называется природа, воспринятая другою ипостасью и в ней получившая свое бытие. Отсюда и плоть Господа, не существовавшая самостоятельно ни в один момент времени, не есть ипостась, а скорее нечто впостасное; ибо, будучи воспринята ипостасью Бога Слова, она в ней существует и имела, и имеет ее своей ипостасью.

Глава XLV. О неипостасном

И название «неипостасный» употребляется в двух различных смыслах: иногда оно означает то, чего никогда абсолютно не было, т. е. несущее, а иногда то, что не имеет бытия в самом себе, а имеет свое существование в другом, т.е. акциденцию.

Глава XLVI. Разделение сущего

Сущее разделяется на субстанцию и акциденцию, но не как род на виды, а как омонимное название или как то, что происходит от одного предмета и находится к нему в определенном отношении.

Глава XLVII. Разделение субстанции

Субстанция есть самый общий род. Она разделяется:

	на тело	и бестелесное;	
тело —	на одушевленное	и неодушевленное;	
одушевленное —	на чувствующее	животно-растительное	и не чувствующее
	животное,	животное	растение;
чувствующее —	на разумное	и неразумное;	
разумное —	на смертное	и бессмертное;	
смертное —	на человека , вола, лошадь, собаку и т. п.;		
человек —	на Петра, Павла и прочих единичных людей, которые суть индивиды, ипостаси, лица.		

Итак, субстанция есть самый общий род, тело — вид субстанции и род одушевленного; одушевленное — вид тела и род чувствующего; чувствующее животное — вид одушевленного и род разумного; разумное — вид животного и род смертного; смертное — вид разумного и род человека; человек же есть самый низший вид, ибо человек есть вид в отношении смертного и вид же в отношении Петра и Павла. По святым отцам, это, именно, и есть природа, форма и субстанция.

Те члены деления, которые находятся между самым общим родом, т.е. субстанцией, и самыми низшими видами, т.е. человеком, волком, — суть подчиненные роды и виды. Они называются существенными и естественными разностями, а также качествами, — разделительными по отношению к высшим членам, образующими в отношении низших членов и специфическими (εἰδολοίαι) в отношении самых низших видов, так как они образуют их и обособляют одну природу от другой. Природа же определяется из самого низшего вида.

Итак, сказано, что такое субстанция, природа, форма и что такое ипостась, индивид, лицо, ипостасное и неипостасное, и какое различие между субстанцией и акциденциями, и что субстанция важнее акциденции, так как акциденции в ней имеют свое существование. Сказано и о разделении субстанции и чем она отличается от существенных разностей, — именно тем, что образуемая ими субстанция получает определенный вид и делается такой, а не иной. Сказано и о том, что такое природа, форма, ипостась, лицо, индивид, как думали об этом языческие мудрецы и как определили святые отцы, ученики и учителя истины и подлинной философии. Теперь же мы скажем и о свойствах субстанции.

Свойство субстанции заключается в том, что она не существует в каком-либо субстрате. Напротив, она сама составляет основу существования акциденций и не имеет своего бытия в другом. Это свойство принадлежит и существенным разностям. Ибо то, что имеет свое существование в каком-либо субстрате, не сохраняет вещи, присутствуя в ней, и не разрушает ее, отсутствуя, почему и не вносится в определение, так как является несомненной акциденцией. Существенные же разности не суть акциденции. Будучи налицо, они сохраняют вещь, отсутствуя разрушают. Поэтому они вносятся в определение.

Свойство субстанции заключается и в том, что она сказывается синонимически, т.е. передает и имя, и определение и не имеет ничего противоположного себе — ибо камню, т.е. самой субстанции камня нет ничего противоположного — и не принимает определение «более» и «менее». Это свойство принадлежит и существенным разностям. Так, человек не более лошади есть субстанция или животное, равно как и лошадь не более человека. Наконец,

субстанция имеет то свойство, что она принимает противоположные определения, каждое порознь, не оставаясь при этом той же самой, но подвергаясь изменению. Под противоположными определениями я разумею акциденции. Существенные же противоположные качества никогда не принимаются субстанцией. Так, разумное не допускает неразумного. Но тело нагревается, а, изменяясь, делается холодным. Равно и душа усваивает иногда добродетель, а иногда порок.

Глава XLVIII. Еще об однородном и принадлежащем к одному и тому же виду; о разнородном и разнородном; об едино-ипостасном и различающемся численно

Однородны те предметы, которые подчиняются одной и той же категории; например, предметы подчиненные субстанции. Подобным же образом обстоит дело и в отношении прочих девяти категорий. Следует заметить, что всех категорий или самых общих родов десять, и к ним сводится всякое название, употребляемое независимо от других названий. Категории эти следующие: 1) субстанция, например, камень; 2) количество, например, два, три; 3) отношение, например, отец, сын; 4) качество, например, белое, черное; 5) где, например в Дамаске: это указывает место; 6) когда, например вчера, завтра, это указывает время; 7) имение, например, носить одежду; 8) положение, например стоять, сидеть; 9) действие, например жечь; 10) страдание, например, подвергаться жжению.

Разнородны те предметы, которые относятся к различным категориям. Так, человек и лошадь будут однородны, ибо и тот, и другая относятся к категории субстанции. Напротив, человек и знание — разнородны, ибо человек относится к категории субстанции, знание же — к категории качества.

Одного вида те предметы, которые относятся к одному и тому же виду и совпадают между собой в понятии их сущности, — например, Петр и Павел. Оба относятся к одному и тому же виду — виду человек. Разновидны же те предметы, которые различаются друг от друга видом, т.е. понятием сущности, например, человек и лошадь.

Святые же отцы однородные и принадлежащие к одному виду предметы принимают за одно и то же — за предметы единосущные, т.е. за ипостаси одного и того же вида.

Предметы бывают единоипостасными (ὁμοουσιότητα), когда две природы соединяются в одной ипостаси и производят одну сложную ипостась и одно лицо; таковы, например, душа и тело. Разноипостасны и численно различны те предметы, свойство сущности которых определяется через сочетание акциденций, иначе сказать, которые друг от друга отличаются акциденциями и имеют отдельное и самостоятельное существование; таковы, например, индивиды — Петр и Павел, ибо один — одно лицо, другой — другое.

Глава XLIX. О количественном и количестве

Количество есть совокупность единиц, самую же единицу не называют количеством. Когда одна единица соединяется с другой единицей, то образуется число — два. Таким образом количество есть не разделение, но совокупность, сочетание единиц, ибо разделение имеет место тогда, когда мы два разлагаем на составляющие его единицы; когда же говорим, что один и один составляют два, то это скорее будет сочетание.

Следует заметить, что количество есть самая мера и число, т.е. то, чем производится измерение и исчисление; количественное же есть то, что подлежит числу и мере, т.е. измеряемое и исчисляемое. Что касается количественного, то оно бывает раздельное и непрерывное (связное). Непрерывное количественное имеет место в том случае, когда измеряемое одно; например, одно дерево бывает в два локтя, три локтя, или камень, или что-либо подобное. Раздельное количественное состоит из отдельных друг от друга предметов; например, десять камней или десять фиников: и камни, и финики суть отдельные друг от друга предметы. О таком количественном говорят, что оно исчисляется, если только оно, вследствие незначительной величины и множества составляющих его предметов, не измеряется модием¹ или подобной мерой, как зерновой хлеб и что-либо подобное.

Непрерывные величины определяют как такие величины, части которых связываются между собой в какой-либо общей границе. Если, например, существует дерево двух локтей, т.е. имеющее два локтя, то в нем конец одного локтя и начало другого совпадают, ибо они соединены и связаны вместе и не могут быть отделены друг от друга. Раздельные же величины определяются, как такие, части которых не соединяются в каком-либо общем пределе, как например, у десяти камней. В самом деле, если отсчитать пять и пять камней, то они не будут иметь общего предела, который бы их связывал. Если же что-нибудь вставить между пятью и пятью, то будет уже одиннадцать, а не десять. На это указывает и само имя величин: непрерывной и раздельной.

К раздельному количеству относится число и речь. Числом в данном случае мы называем исчисляемое, ибо исчисляемое, как было показано выше, непременно является раздельной величиной. Речь тоже раздельная величина, ибо она исчисляется словами и не имеет общего предела, соединяющего ее части. Так, если речь состоит из десяти слов и если ее разделить на пять и пять слов, то они не будут иметь общего, соединяющего их предела. Если же между этими частями вставить что-либо, то их будет уже одиннадцать, а не десять. Подобным же образом и слово, исчисляемое при помощи слогов, не имеет общего, соединяющего предела. Например, слово Сократ: между слогом Со- и слогом -крат нет общего, соединяющего их предела.

Непрерывных величин пять видов: тело, поверхность, линия, место, время. Следует заметить, что точка не имеет величины, ибо она не измеряется и не исчисляется, так как не имеет ни одного измерения. Линия имеет одно измерение, ибо она представляет собой длину, не имеющую ширины. Линия принадлежит к непрерывным величинам, ибо, будучи едина, она измеряется и части ее имеют общий предел, которыми они между собой соединяются, именно находящуюся между ними точку. Поверхность есть наружная часть тела; [по-гречески она называется επιφανεια от φαίνεσθαι. Поверхность имеет два измерения: длину и ширину. Будучи единой, поверхность измеряется, и части ее имеют общий предел, которым они соединяются между собой, именно проходящую между ними линию. Следует заметить, что гладкая и ровная поверхность называется плоскостью, негладкая же и искривленная — просто поверхностью. Тело имеет три измерения: длину, ширину и глубину, или толщину. Будучи единым, оно

измеряется, и части его имеют общий предел, которым они соединяются — именно поверхность. Место есть поверхность воздуха. Например, твое место есть поверхность и предел окружающего тебя воздуха. Как поверхность место относится к непрерывным величинам. Время также измеряется, разделяясь на прошедшее и будущее, причем эти части времени имеют общий предел — настоящее. Само же настоящее не имеет величины. Таким образом не имеют величины единица, точка и настоящее. Величинами же в собственном смысле называются все семь следующих предметов: 1) число, 2) речь, 3) время, 4) место, 5) линия, 6) поверхность, 7) тело.

В несобственном смысле мы называем величинами то, что в них рассматривается — действие, движение, цвет и т.п. Так, если действие и движение происходят в большом количестве предметов, то мы говорим, что действия много и движения много; если же в небольшом, — то мало. Подобным же образом, встречая белизну во многих частях тела, мы говорим, что много белизны; встречая же в немногих, — мало.

Кроме того, одна величина имеет предел, другая же беспредельна. Величина, имеющая предел, может измеряться и исчисляться. Беспредельная же величина превосходит всякую меру и всякое число. Ее безразлично называют и многою и великою: так, например, мы говорим о многом милосердии Божиим, о великой тайне домостроительства Бога Слова.

Следует заметить, что Аристотель великое и малое, многое и немногое, большее и меньшее, менее многочисленное и более многочисленное, двойное и половину и т.п. причисляет к отношениям. Таким образом мы говорим, что возможно, что одна и та же вещь, рассматриваемая с различных сторон, будет относиться к различным категориям. В самом деле, ранее перечисленные названия, поскольку они выражают число и меру, относятся к величинам; а поскольку они имеют определенное отношение друг к другу и поскольку они употребляются в отношении друг друга, поскольку они принадлежат к отношениям, ибо большее называется большим в отношении малого, двойное в отношении половины; подобным же образом обстоит дело и с прочим. Но тело, рассматриваемое как физическое тело, относится к категории субстанции. А поскольку оно есть математическое тело, т.е. подлежит измерению, — к категории количества. Кроме того, количественное разделяется на величину и множество: величина измеряется, множество исчисляется. Величина отвечает на вопрос: как велико? множество же на вопрос: сколько?

Количество имеет три свойства, которые называются сопутствующими свойствами (παράκοιουθματα). Первое свойство состоит в том, что само по себе оно не имеет ничего противоположного себе. Так тело само по себе не имеет ничего противоположного себе; поскольку же оно бывает белым, имеет противоположное себе, именно тело черное.

Следует заметить, что число два не имеет другого противоположного ему числа. В самом деле, если бы это имело место, то таких чисел было бы много, именно все числа были бы противоположны числу два, И тогда природа оказалась бы несправедливой, противопоставив одному и тому же множеству противоположностей, ибо множество противоположностей для одного и того же есть нечто недопустимое.

Второе свойство количества состоит в том, что оно не принимает определений — более и менее. Так два финика не в большей степени два, чем два человека. Что не имеет противоположного себе, то и не принимает определений — более и менее.

Третье свойство, принадлежащее как отдельным видам количества, так и всему количеству, состоит в том, что оно бывает равным и неравным. Так, одна линия бывает равна и неравна другой линии.

Глава L. О предметах относительных

Относительными являются те предметы, о которых говорится что то, что они есть, принадлежит другому предмету или находится в каком-либо ином отношении к нему. Принадлежит, говорят, другому. Например, отец — сыну, ибо об отце всегда говорят, как об отце сына. Относится к другому, например, большое — к малому, многое — к немногому, ибо не говорят: многое немногого, но многое в отношении немногого.

Следует заметить, что, когда что-либо рассматривается само по себе, то оно не есть относительный предмет. Об отношении говорят тогда, когда что-либо стоит в отношении к другому. Таким образом бытие и ипостась (*ὑποστασις*) относительных предметов состоит в том, чтобы называться в виду другого или находиться в отношении к этому другому, ибо этим взаимным отношением и производятся относительные предметы.

Из относительных предметов одни называются одним и тем же именем, например друг — друг друга, враг — враг врага; другие различными именами, например, отец — отец сына, учитель — учитель ученика.

Затем, одни относительные предметы находятся друг к другу в отношении превосходства, например, больший — больший, чем меньший; другие в отношении судящего и подлежащего суждению, — например, знание есть знание того, что может познаваться, ибо знание судит о том, что подлежит познанию; подобным же образом ощущение есть ощущение ощущаемого, положение — положение положенного, стояние — стояние поставленного, возлежание — возлежание возлежащего и т.п. Третьи относительные предметы находятся друг к другу в отношении силы и бессилия. В отношении силы — например, когда мы говорим, что зрение бессильно видеть беззвездное небо. Четвертые находятся друг к другу в отношении причины и произведенного причиной, — например, отец — отец сына.

Свойство относительных предметов состоит в том, что они могут быть обращаемы. Например, один друг называется другом друга, и другой тоже — другом друга; учитель называется учителем ученика, и ученик — учеником учителя [Второе свойство относительных предметов состоит в том, что] они по природе существуют вместе. Существование же вместе означает, что, когда полагается или устраняется один предмет, то полагается и устраняется и другой. Так, если есть отец, то несомненно будет и сын, и если нет отца, то не будет и сына, ибо чей он будет сын, если нет отца? И если не будет сына, то не будет и отца, ибо не имеющий сына уже не будет отцом. Таким образом, с устранением отца, устраняется и сын, и, с устранением сына, устраняется и отец. Но при этом устраняется не ипостась того и другого, но отношение, ибо хотя и остается тот, кто называется сыном, однако он уже не сын; как будет сыном тот, у кого нет отца? Если мы и говорим о сыне умершего, то или говорим это не в строгом смысле, но переносном, или же имеем в виду то, что отец, в силу бессмертия души, не погиб и не отошел в небытие.

Следует заметить, что каждая категория есть самый общий род и имеет подчиненные и роды, и виды, и разности, разделяющие для родов и образующие для видов, и самые низшие виды и индивиды. Но образующие разности не называются существенными, если они не относятся к одной субстанции, и индивиды не называются ипостасями, если они не принадлежат к одной только субстанции.

Должно знать, что сама субстанция, так как она есть род и имеет отношение к другому, возводится под категорию отношения. В самом деле, род есть род видов, и виды суть виды рода и принадлежат к числу тех предметов, которые относятся к чему-либо.

Далее, предметы относительные и допускающие обращение бывают или самостоятельными

и имеют определенное отношение, т.е. являются субстанциями, или несамостоятельными, т.е. акциденциями. Если они самостоятельны, то свойственное им отношение бывает или естественное, как, например, отношение отца к сыну, или же неестественное. Когда отношение бывает неестественным, то оно зависит или от судьбы, как например, отношение раба и господина, или от искусства, как например, отношение учителя и ученика, или от расположения, как например, друг и друг, враг и враг. Если же относительные предметы не самостоятельны, но являются акциденциями, то принадлежащее им отношение бывает или естественное, как, например, отношение двойного и половины, или неестественное, [как, например, отношение большого и малого; последнее скорее зависит от случая, чем от природы. Впрочем, случай и расположение в несамостоятельных предметах не имеют места, за исключением тех обстоятельств, когда что-либо представляется имеющим отношение к чему-либо другому самостоятельному и случайно определяемому со стороны акциденции].

Относительные предметы сперва необходимо подвести под другую категорию, рассматривая их сами по себе, а затем уже, поскольку у них есть отношение к другому предмету, подвести под категорию относительных предметов; ибо сперва надлежит установить, что известный предмет существует безотносительно, а затем уже рассматривать присущее ему отношение. Отношением ($\sigma\chi\epsilon\iota\varsigma$) называется состояние или свойство существенных или несущественных предикатов одного предмета в отношении к другому. Отношения устанавливаются или природой, или судьбой, или искусством, или расположением.

Глава LI. О качественном и качестве

Качество есть то, благодаря чему о предметах говорится, какого они качества. И снова: качество есть то, от чего получают свое название причастные к нему предметы. Так от благоразумия получает название благоразумного тот, кто имеет благоразумие; и теплым называется тот, кто причастен к теплоте.

Следует заметить, что качественное обладает большей общностью, чем качество. В самом деле, качественное означает качество, а также причастное к нему, т.е. к качеству, как например, теплое означает имеющее теплоту, ибо качественным называется то, что имеет качество, как например, имеющие теплоту предметы называются теплыми. Итак, теплые — качественное, теплота же — качество. Часто и само качество называется качественным. Подобным же образом дело обстоит и с количественным, и с количеством.

Одни качества находятся в одушевленных и разумных существах, каковы: знания и добродетели, болезни и здоровье. Такие качества называются свойствами (εξεις) и состояниями (διαθεσεις). Другие качества существуют и в одушевленных, и в неодушевленных телах, каковы: тепло и холод, форма и фигура, сила и бессилие. Из этих качеств одни присущи вещам потенциально, другие — актуально. Если потенциально, то производят силу и бессилие; если актуально, то производят качества, которые или распространяются на весь предмет, как теплота распространяется на весь огонь, белизна — на все молоко и на весь снег, и дают страдание и страдательное качество; или ограничиваются поверхностью и образуют фигуру и форму. Таким образом существует четыре вида качеств: свойство и состояние, сила и бессилие, страдание и страдательное качество, фигура и форма.

Свойство отличается от состояния тем, что свойство мало изменчиво и более длительно, например, благоразумие; ибо не скоро переходит кто-либо от благоразумия к неразумию. Также и знание: если кто-либо имеет точное знание, то это знание не поддается в нем изменению. Свойствами являются также и мужество, и умеренность, и справедливость. Состояния, наоборот, подвижны и легко меняются, например, теплота, холод, болезнь, здоровье и тому подобное, ибо сообразно с ними человек находится в том или ином состоянии. Легко изменяется человек, из теплого делается холодным, из больного — здоровым. Впрочем, и самые эти состояния, как здоровье, болезнь и подобное, относятся к свойствам, если они приобретают устойчивость и становятся мало изменчивыми. Состояние имеет большую общность, чем свойство, ибо и то, и другое называются состояниями, так как они выражают в каком положении, соответственно им, находится человек; но второе есть состояние мало изменчивое, первое же — просто состояние.

Второй вид качества есть сила и бессилие, не получившие выражение в действии. Но они представляют собой естественное расположение и силу или нерасположение. Так, мы говорим о ребенке, что он имеет способность к музыке, ибо хотя в действительности музыка ему не присуща, однако он имеет расположение к ее восприятию. Напротив, животное мы называем неспособным к музыке, поскольку оно музыкой не владеет и не способно к ее восприятию. Подобным же образом твердое тело имеет способность не скоро разделяться.

Третий вид качества есть страдательное качество и страдание, каковы: теплота, холод, белизна, чернота и тому подобное. Страдание, подобно состоянию, является легко устранимым, например, если кто-нибудь из-за стыда краснеет, а по причине, например, страха бледнеет. Напротив, страдательное качество неподвижно и мало изменчиво. При этом некоторые из страдательных качеств образовались не в силу страдания, т.е. они имеют свое начало не в другом, но существенно присущи предмету, например, огню принадлежит теплота и меду —

сладость. В самом деле, тепло для огня не является приобретенным качеством, а сладость — для меда. Нельзя сказать, что прежде огонь и мед не имели этих качеств, а затем восприняли теплоту и сладость, Что касается нашего чувства, то на него эти качества производят то же действие, какое испытывают сами. Так огонь, будучи теплым, согревает нас, а мед, будучи сладким, дает нам ощущение сладости. Напротив, некоторые страдательные качества образовались в силу некоего страдания или смещения (κράσεως) и иногда вызывают в нашем чувстве страдательное состояние, но это состояние и это качество не то, какое они сами имеют. Таковы цвета. В самом деле, белый цвет образовался в результате некоторого страдания или смещения, и в нашем зрении он вызывает страдательное состояние, то есть, различение, расширение и освещение; но при этом он не делает нас самих белыми. Страдательное качество, если оно не является приобретенным, принадлежит или целому виду, как теплота принадлежит всякому огню без исключения, или не всему виду, как черный цвет — эфиопам, ибо не все люди черного цвета. Все это имеет место не только в отношении тела, но и в отношении души.

Четвертый вид качества составляют фигура и форма; фигура принадлежит как одушевленным, так и неодушевленным телам, форма же — только одушевленным. Если же название «форма» высказывается о предметах неодушевленных или если их называют прекрасными по форме, то в этом случае слово употребляется не в собственном смысле, а в переносном. Фигуре принадлежит большая общность, чем форме, так как и форма называется фигурой, тогда как фигура предметов неодушевленных не называется формой. К качествам относятся также прямизна, или правильность и искривленность, или изогнутость.

Следует заметить, что предметы, обладающие качествами, по большей части получают свое название от этих последних, так от теплоты предмет называется теплым. Но некоторые предметы называются тем же именем [как и само качество]: например, музыкальное искусство и музыкальная женщина, т.е. женщина, владеющая музыкальным искусством. Некоторые же предметы, хотя и очень немногие, называются совершенно другим именем [нежели их качество]. Так, например, тот, кому свойственна добродетель, получает имя ревностного (σπουδαίος), ибо добродетельный человек называется и ревностным.

Следует иметь в виду, что страдание бывает двух видов. Страданием называется или уже перенесенное страдание, и оно возводится под категорию качества — так, уже выбеленная одежда называется белой, — или страданием называется страдание, претерпеваемое в настоящий момент, и оно возводится под категорию страдания, например, одежда, еще не выбеленная, но подвергающаяся белению в настоящий момент.

Следует заметить, что качества не суть тела, но бестелесны, ибо, если бы они были телами, то подходили бы под категорию субстанции. Равным образом все акциденции бестелесны и не существуют сами по себе, созерцаясь только в субстанции.

Следует заметить, что существенные качества относятся к категории субстанции, ибо эти качества суть части субстанции, на которые она разделяется, и вносятся в определение ее видов; а под какую категорию подводится целое, под ту же категорию должны подводиться и ее части. Так, тяжелое и легкое созерцаются или в тяжестях (ουκοίς), как это имеет место в отношении всего подлежащего взвешиванию, и возводятся под категорию количества; или в субстанциях, например, в стихиях, т.е. в огне, земле, и возводятся под категорию субстанции, как существенные качества. Подобным же образом обстоит дело с плотным и редким, т.е. тонким. Эти качества или по существу созерцаются в основных элементах и относятся к категории субстанции, или же случайно, как бы в одеждах, и тогда относятся к категории положения (κείσθαι), ибо представляют собой порядок частей.

Качество обладает следующими тремя особенностями, или свойствами (παράκολουθητά). Во-первых, оно допускает противоположение: так, теплое противоположно холодному, белое —

черному. Во-вторых, принимает определения: более или менее, так как, где имеет место противоположение, там бывают налицо и определения: более или менее. «Более» означает усиление, а «менее» — ослабление. Поэтому можно сказать, что данный вид более бел, чем другой, или менее холоден, чем другой. Третьей особенностью, составляющей главное свойство качества, является то, что оно допускает сходство и несходство. Следует иметь в виду, что фигура не допускает противоположения.

[Следует принять во внимание, что не все лишения (στέρησις) выражаются через отрицание; есть и такие лишения, которые выражаются утвердительно, каковы слепота или глухота. С другой стороны, не всякий вид выражается утвердительно, но и отрицательно. Например, воздержание (ακολασία) есть вид, однако оно получило не утвердительное, но отрицательное наименование. Ибо положительное суждение называется утверждением, например: он красив; а отрицательное — отрицанием, например: он не красив. Когда же говорим: незаконный (ανομος), то α обозначает отрицание, как ου.]

Когда об одном белом говорят, что оно равно другому белому, то они берутся не как качества, а как количества, и равенство имеет место между поверхностью первого предмета и поверхностью второго. Равным образом и о месте говорят как о подобном и неподобном, не поскольку оно есть количество, а поскольку участвует в качестве.

Глава ЛII. О действии и страдании

Следует иметь в виду, что действие и страдание, т.е. сила действующая и сила страдательная, относятся к категории качества. Напротив, то, что действует, и то, что страдает, есть определенная субстанция, действующая определенным образом. Действовать значит в самом себе иметь причину действия; страдать же значит иметь причину страдания и в себе, и в другом; например, творец и творимое. Тот, кто творит, в самом себе имеет причину творения; творимое же в творце имеет причину творения, в самом же себе — способность восприятия страдания. Под творцом в данном случае мы имеем в виду ремесленника, например, плотника; под творимым же — тот материал, с которым имеет дело ремесленник, например, дерево, ибо оно подлежит (обработке) плотника.

О действии и страдании иногда говорят просто в таком же смысле, как это имеет место в отношении производительных ремесел, например, плотничьего, кузнечного и других подобных им, которые отличаются тем, что продукт работы остается с прекращением действия; так, когда архитектор перестал строить, построенное остается, — а иногда говорят «творить» в отношении таких случаев, когда делаемое не сохраняется с прекращением деятельности. Так, если играющий на флейте перестанет играть, то не сохранится, а исчезнет и игра на флейте. Иногда же говорят «творить» в смысле созерцания, например, заниматься астрономией, геометрией, размышлять и т.п. Есть и другие виды действия, которые находятся в неодушевленных предметах: огне, камне, дереве и т.п. Первые три вида действия свойственны разумным предметам; последние же — неодушевленным и неразумным. В этом случае предмет действует не постольку, поскольку он имеет душу, но поскольку одно тело приближается к другому.

(Рассматриваемая категория) имеет два свойства. Во-первых, она допускает противоположение; так нагревание противоположно охлаждению. Во-вторых, она принимает определения: более или менее, ибо возможно более нагреть и менее охладить, равно как и более нагреться и менее охладиться.

Во всех категориях можно находить действие и страдание: в субстанции — рождать и рождаться, в количестве — исчислять и исчисляться, в отношениях — удвоить и удвоиться, в качестве — белить и белиться, в положении — помещать и помещаться, в состоянии (εχειν) — нести и быть несомому, в категории места — содержать и содержаться, в категории времени — содержать и содержаться в настоящем, прошедшем и будущем времени.

Глава LIII. О положении (κείσθαι)

Положение есть состояние предмета в отношении другого предмета. Так, мы говорим о положении тела, имея в виду его определенное состояние, каковы: возлежание, сидение, стояние. Положение бывает трех видов: стояние, сидение, возлежание. Когда человек находится в прямом положении, тогда имеет место стояние: когда он отчасти лежит, отчасти стоит — сидение; когда же он совершенно лежит, тогда имеет место возлежание. Положение не означает ни предмета, ни места, но выражает самое положение предмета в отношении места.

Из предметов, находящихся в определенном положении, одни по своей природе находятся в этом положении, как стихии — в свойственных им местах, — например, земля, вода, воздух, огонь и т.п. Существует и другое подразделение предметов со стороны их положения. По этому подразделению одни предметы неподвижны, например, земля; другие — подвижны, например, небесные тела. Кроме того, одни предметы находятся в определенном положении потенциально, например, существа, могущие переходить с места на место; другие находятся в определенном положении актуально, когда они действительно где-либо помещаются.

Глава LIV. О месте

Категория, отвечающая на вопрос: где? обозначает место. Если нас спросят: где находится такой-то, мы говорим: в доме, в городе. Все это обозначает место. Виды рассматриваемой категории определяются различием мест: вверху, внизу, направо, налево, впереди и позади.

Глава LV. О времени

Категория, отвечающая на вопрос: когда? обозначает время. Если нас спрашивают, когда было то-то, мы говорим: в прошлом, в позапрошлом году. Все это обозначает время. Видов рассматриваемой категории столько же, сколько различий имеет время, а таковых три: настоящее, прошедшее, будущее.

Глава LVI. Об имении (του εχειν)

Имение бывает тогда, когда одна субстанция обладает другой. Оно обозначает, что одна вещь объемлет или объемлется, но не составляет части предмета. Объемлет хитон, оружие и подобное; объемлется кольцо и что-либо подобное другое незначительное. Как объем-лемое, так и объемлющее должны быть субстанциями, так как, если одно будет субстанцией, а другое акциденцией, например, наука и ученый, то их уже нельзя будет подвести под категорию имения. Различия, свойственные категории имения, соответствуют различиям сущего. Последнее бывает или одушевленным, или неодушевленным, и под имением разумеют имение одушевленных предметов, например, сына, лошади и т.п., и имение неодушевленных предметов, например, кольца, сандалий и т.п. Имение употребляется омонимически и во многих других значениях, о которых мы скажем потом.

Глава LVII. О противоположном

Все противоположаемое противопологается или как вещь, или как мысль. Если как мысль — мысли, то получается утверждение и отрицание. Утверждение есть речь о том, что принадлежит какому-либо предмету; например, он красив. Отрицание есть речь о том, что не принадлежит какому-либо предмету; например, он не красив. И то, и другое называется суждением. (Если противоположаемое) противопологается как вещь, то оно противопологается или взаимообращаемым предметам и образует отношения, которые взаимно или соединяют их друг с другом, или устраняют, или таким, которые не обращаются взаимно и не имеют между собой отношения. И эти или изменяются друг в друга, но однако остаются сообразными природе и производят противоположное, как теплота и холод, — или одно изменяется в другое, другое же не изменяется в первое. При этом одно из них соответствует природе, другое природе противно, и получается противоположность лишения и имения, — например, зрение и слепота; ибо зрение есть имения, поскольку оно обуславливается имением, слепота же есть лишение имения, т.е. зрения.

Что касается противных противоположностей, то одни из них не имеют среднего, другие имеют среднее. Среднего не имеют те противные противоположности, из которых какое-нибудь, именно одно, необходимо должно быть налицо в их субстрате, или том предмете, о котором они сказываются, — например, болезнь и здоровье, имеющие субстратом тело животного. Совершенно необходимо, чтобы в теле были налицо или болезнь, или здоровье. Болезнью мы называем всякое расстройство (παράτροπή) природы. Среднее имеют те противные противоположности, из которых одна не необходимо должна находиться в их субстрате, или в том предмете, о котором они сказываются. Таковы, например, белое и черное. Белое и черное противоположны друг другу, однако не является необходимым, чтобы всякое тело было белым или черным, ибо тела бывают также серые и красные. Исключение составляют те случаи, когда одна из противоположностей принадлежит какой-либо вещи по природе, как теплота — огню и холод — снегу. Из противоположностей, имеющих среднее, одни имеют [для этого среднего] названия — так, среднее между белым и черным называется серым; другие не имеют названий — так, среднее между справедливым и несправедливым не имеет названия, но определяется посредством отрицания как нечто промежуточное, именно: и несправедливо, и не несправедливо.

Противным противоположностям принадлежат следующие свойства. Во-первых: добру необходимо противоположается зло; злу же может противоположаться как добро, так и другое зло. Умеренности [противолагается неумеренность; неумеренности — иногда умеренность], иногда слабоумие. Но слабоумие имеет место в том случае, когда отсутствуют и не возбуждаются страсти. Таким образом, неумеренность есть недостаток умеренности, а слабоумие — чрезмерный избыток (ὑπερβολή), избыток же противоположен недостатку. Во-вторых, противные противоположности не могут принадлежать одним и тем же индивидам в одном и том же отношении. Так, Сократ не может одновременно быть и здоровым, и больным, один и тот же его член не может одновременно и нагреваться, и охлаждаться. В-третьих, противные противоположности находятся в одном и том же субстрате: или роде, или виде, или индивидууме (αἰθῆμα). В роде, — например, в теле вообще белое и черное; в виде, — например, в теле животного здоровье и болезнь; в индивидууме — это ясно, ибо одно и то же тело, вследствие испытываемых им изменений, оказывается способным к принятию противоположностей. В-четвертых, противные противоположности бывают подчинены или одному и тому же роду, как белое и черное — цвету, или противоположным родам, как

справедливость и несправедливость — добру и злу, которые противоположны друг другу, или наконец, сами являются противоположными родами, как противоположными родами являются добро и зло.

Глава LVIII. О принадлежности и лишении

Принадлежностью называют действие как того предмета, который имеют, так и того, который имеет, как оружия, так и вооруженного, или как платья, так и одетого в платье; во-вторых, отличающиеся устойчивостью, приобретенные действия, как физические, так и психические: физические, например, теплота в нагретых телах; психические, например, знание; в-третьих, то, что еще не имеет действия, но обладает способностью к его восприятию — это и составляет первое значение термина «потенциальный» (του δυναμει); в-четвертых, физическое качество, или физическое состояние, — например, теплота огня и зрение спящего — это составляет второе значение термина «потенциальный»: ибо огонь может жечь, но на деле не жжет, и первое — термина «актуальный» (του ενεργεια); в-пятых, полное действие: например, зрение, уже видящее, теплота, уже согревающая.

Лишение есть утрата принадлежности. Итак, первому значению принадлежности противопоставляется отсутствие оружия или одежды; второму — утрата приобретенных состояний, когда, например, нагретое охладится; третьему — то, что весь род, к которому принадлежит вещь, по природе своей не может иметь известного действия, так ребенка мы называем способным к музыке, смоковницу же ни в коем случае. Таким образом, смоковнице недостает определенных свойств, так как род растений не имеет способности к восприятию музыки. Или же род имеет определенную способность, а какой-либо из видов не имеет ее, Так, животное имеет способность видеть, между тем, крот, являющийся видом животного, не имеет способности видеть. Четвертому значению соответствует утрата способности, соединенная с обладанием; пятому — утрата полного действия; этот случай выше мы назвали противоположностью противного со стороны принадлежности и лишения, то есть силы — деятельной и страдательной. Этот случай характеризуется следующими тремя признаками: что свойственно вещи и чего она совершенно не имеет, но вполне лишена: когда вещь по природе имеет известную принадлежность, и где она имеет ее? Так мы не называем камень слепым, ибо ему не свойственно иметь зрение. Равно новорожденного щенка собаки мы не называем слепым, новорожденного младенца беззубым, так как и тому, и другому в это время не свойственно иметь эти принадлежности. Точно так же и ногу мы не называем слепой, ибо животному не свойственно в ноге иметь зрение. Итак, о лишении мы говорим тогда, когда вещь в этих трех смыслах способна иметь известную принадлежность, но не имеет ее.

Глава LIX. О предыдущем и последующем

Предыдущее имеет четыре различных значения, и в собственном смысле оно есть предыдущее во времени. При точном словоупотреблении, в применении к одушевленным существам предыдущее называется старшим, а в применении к неодушевленным — более древним; при неточном же — одно слово употребляется вместо другого.

Второй вид предыдущего есть предыдущее по природе, то есть то, что полагается вместе с другим, но не полагает другого, и что как устраняет другое, так и само устраняется им. Так, животное есть предыдущее в отношении человека. В самом деле, если есть животное, то человека еще не будет; ибо человек есть одно из животных. Наоборот, если нет человека, то животное будет, так как и лошадь, и собака — животные. Равным образом, если есть человек, то непременно будет и животное, ибо человек есть животное. Если же нет животного, то, несомненно, не будет и человека, равно как не будет и лошади, собаки и т.п., так как и они животные. [Это следует сказать о втором виде.] Третий вид предыдущего есть предыдущее со стороны порядка. Так, альфу мы называем первой, виту — второй; то же самое имеет место в отношении слов и избирательных голосов.

Четвертый вид предыдущего есть предыдущее со стороны достоинства. Так, мы говорим, сперва епископ, а затем пресвитер. Впрочем, некоторые не признают этого вида предыдущего, так как возможно, что первый в порядке будет последним по достоинству.

Наконец, пятый вид предыдущего и последующего есть причина ($\alpha\iota\tau\iota\omicron\nu$) и действие причины ($\alpha\iota\tau\iota\alpha\tau\omicron\nu$). Так, Сократ предшествует собственному изображению, так как он является его причиной. Точно так же отец предшествует сыну и больше ($\mu\epsilon\iota\zeta\omicron\nu$) его, так как отец является виновником сына, ибо от отца рождается сын. Поэтому и блаженный Григорий в этом смысле понимает изречение Господа Нашего в евангелиях: «Отец Мой более Меня».

Другие к этим видам присоединяют еще предыдущее со стороны мысли и намерения. Так стена предшествует фундаменту. Но этот вид сводится к четвертому виду — предыдущему со стороны достоинства, так как что в отношении мысли бывает прежде, то на деле бывает впоследствии. Сколько различных значений имеет предыдущее, столько значений имеет и последующее. Предыдущее и последующее, равно как и выражения: больше и меньше, не принадлежат к числу омонимов, но к тем словам, которые ведут свое происхождение от одного предмета.

Глава LX. О том, что вместе

В собственном смысле слово «вместе» (αμα) прилагается к тем предметам, происхождение которых относится к одному и тому же времени, например, два каких-либо человека родились в один и тот же момент. В этом смысле «вместе» противоположно первому значению предыдущего. Второе значение слова «вместе» прилагается к таким предметам, которые существуют совместно друг с другом, но не являются один для другого причиной и действием, например, двойное и половина, ибо они существуют совместно друг с другом и друг друга предполагают. В этом смысле «вместе» противоположно второму и пятому значению предыдущего. В самом деле, при втором значении предыдущего предыдущее и последующее не предполагают и не устраняют друг друга вместе, при пятом — первое является причиной, а второе ее действием. В третьем своем значении слово «вместе» применяется к видам, находящимся между собой в отношении противоположности. Находящимися в отношении противоположности называются те виды, которые произошли от одного и того же деления, например, разумное и неразумное произошли от деления животного. «Вместе» в этом значении противоположно первому, второму и до некоторой степени трем остальным значениям предыдущего.

Глава LXI. О движении

Движение есть осуществление потенции как таковой. Так, медь потенциально есть статуя, ибо медь может принять вид статуи. Осуществление же, свойственное меди, которая потенциально есть статуя, состоит в отливании, формировании, полировании: все это движения. В каких категориях созерцается потенция, в таких же должно созерцаться и движение; а в каких категориях нет ничего потенциального, в тех же не должно быть и движения. Потенциальное созерцается в субстанции, в количестве, в качестве, в категории места. В субстанции — происхождение и разрушение; в количестве — увеличение и уменьшение; в качестве — изменение; в категории места — движение по кругу, называемое вращением, а также движение по прямой, называемое прямолинейным движением. Движение по прямой имеет шесть видов: вверх, вниз, вовнутрь, наружу, направо, налево. Таким образом, вместе с вращательным движением, существует семь видов местного движения. Все изменяется или само по себе, или в отношении чего-либо, находящегося в нем, или в отношении чего-либо, находящегося вокруг него. И если предмет изменяется сам по себе, то имеет место происхождение и разрушение; если в отношении чего-либо, находящегося в нем самом, то изменение происходит или в отношении количества — и тогда имеет место увеличение и уменьшение — или в отношении качества — и тогда имеет место изменение. Если же перемена происходит в отношении окружающего, то тогда возникает изменение в отношении места, ибо место не есть самодвигающееся и не то, что находится в движущемся, но сопровождает движущееся и находится вокруг него.

Происхождение и разрушение различаются следующим образом. Происхождение есть переход из небытия в бытие, так как происходит то, чего прежде не было. Разрушение, наоборот, есть изменение из бытия в небытие. Что касается увеличения и уменьшения, то увеличение есть движение к большему, а уменьшение — движение к меньшему. При изменении опять имеют место противоположные страдательные состояния: теплота противоположна холоду, белому — черное. Таким образом, происхождению противоположно разрушение, увеличению — уменьшение, изменению — противоположное состояние и покой: так нагреванию противоположно охлаждение, а также покой, ибо когда нагреваемое тело достигнет предела нагревания и достигнет высшей степени теплоты, то оно покоится и перестает нагреваться. Равным образом и определенному местному изменению противоположно противное движение, с одной стороны, и покой, с другой: противное движение, например, движение вверх противопоставляется движению вниз; покой, если, например, при бросании камня вверх, камень не прежде начнет движение вниз, чем достигнет некоторого состояния покоя. Однако небесному движению нет движения противного. По-видимому, изменение ($\alpha\lambda\lambdaο\iota\omega\sigma\iota\varsigma$) связано со всеми другими родами движения. В самом деле, и происходящее, и разрушающееся, и увеличивающееся, и уменьшающееся, и движущееся в отношении места, несомненно, изменяются. При физических движениях, хотя мы и находим соответствующее прочим движениям изменение, однако возможно изменение без другого рода движения, например, в отношении камня. Камень нагревается и охлаждается, но не увеличивается и не прекращает своего существования. Также обстоит дело и с остальным. Таким образом, хотя изменение и соответствует другим видам движения, однако возможно рассматривать его само по себе. Отсюда делается ясным его различие от них.

Аристотель не называет движение переменной. Именно в пятой книге «Чтений по физике» он доказал, что происхождение и разрушение суть перемены, движения же не суть перемены, так как движение происходит в то время, когда вещь остается в своем прежнем виде. Если же

мы говорим, что изменению и перемене места соответствуют две противоположности — противное движение и покой, то следует иметь в виду, что у одного предмета в различных отношениях могут быть две противоположности. Покой противоположен перемене, как состояние и лишение — принадлежности; противное же движение, как охлаждение нагреванию.

Глава LXII. Об имении

Слово «имение» употребляется в восьми смыслах. Или в отношении принадлежности и состояния, или какого другого качества. Так о нас говорят, что мы имеем знание и добродетель. Или в применении к количеству. Так о дереве говорят, что оно имеет толщину в три локтя. Или в применении к одной субстанции в ее отношении к другой. Этот случай представляет собой высший род, распадающийся на следующие виды. Он имеет место или в отношении целого тела, например, когда говорят о платье, или в отношении части, например, когда говорят в отношении кольца на пальце; или в отношении части, находящейся в целом; так о нас говорится, что мы имеем руку; или в отношении сосуда, например, когда говорим, что сосуд имеет вино; или в отношении к имуществу: говорится, что мы имеем дом или поле. Говорится также, что мы имеем жену, равно как и то, что жена имеет мужа; однако, по-видимому, этот смысл является не свойственным слову «иметь», так как здесь возможно обращение. То, что муж имеет жену, означает не более, чем то, что жена имеет мужа. Никто из них не владеет другим, но оба стоят друг к другу в одинаковом без различия отношении. Правда, владелец имеет имущество, и имущество — владельца, и здесь возможно обращение; однако не в том смысле, как муж имеет жену, и жена — мужа, ибо владелец есть самостоятельный и высший распорядитель имущества. Поэтому предпочитают в отношении владельца говорить, что он имеет, а в отношении имущества, что его имеют.

Ясно, что слово «иметь» принадлежит к числу омонимов. По мнению некоторых, слову «иметь» свойственно столько же разновидностей, сколько действию и страданию. Подобно тому, как то, что действует, и то, что страдает, бывает или одушевленным, или неодушевленным, точно так же и здесь тот, кто имеет, и то, что имеют, бывает или одушевленным, или неодушевленным. Но как у различных родов могут быть те же самые разновидности? На это можно ответить, что имение прилагается или к целому телу, или к части, и при том или в отношении того, что служит для защиты, или в отношении того, что служит для украшения.

Глава LXIII. О суждении, утверждении и отрицании

Следует заметить, что как утверждение, так и отрицание называются суждением. Утверждение показывает, что принадлежит какому-либо предмету, т.е. чем является какой-либо предмет: например, Сократ мудр, Сократ прогуливается. Отрицание, напротив, показывает, что не принадлежит какому-либо предмету, т.е. чем какой-либо предмет не является: например, такой-то не мудр, такой-то не прогуливается.

Всякому утверждению соответствует противоположное ему отрицание, равно как и всякому отрицанию — противоположное ему утверждение. Отрицание, противоположное утверждению, и утверждение, противоположное отрицанию, называется противоречием. Одно из них необходимо ложно, а другое — необходимо истинно.

Глава LXIV. О термине, посылке и силлогизме

Следует иметь в виду, что логика имеет своей задачей рассуждать о доказательстве. Доказательство есть силлогизм. Силлогизм состоит из двух истинных посылок и заключения. Например, желая доказать, что душа бессмертна, я говорю: «все, что находится в непрерывном движении, вечно». Это первая посылка. Далее я высказываю вторую посылку: «душа находится в непрерывном движении». Затем следует заключение: «следовательно, душа бессмертна».

Каждое слово посылки называется термином, термином же называется то, на что разделяется посылка. Например, посылка гласит: «все, что находится в непрерывном движении, есть бессмертно». «Все» называется термином, поскольку оно есть часть посылки. Подобным же образом называется термином и выражение «что находится в непрерывном движении» (το αἰχμητόν). Равно называется термином и «бессмертно», и «есть».

Следует иметь в виду, что посылки необходимо должны быть истинными, а заключение соответствовать посылкам. В самом деле, если окажется, что одна из посылок или заключение ложно, то будет паралогизм, а не силлогизм. Следует иметь в виду также и то, что простое название, имя, слово, речение, термин — все эти пять различных слов по предмету ничем не отличаются друг от друга, различие их заключается только в отношении. Например, «человек» как простое обозначение именуется простым словом, как подлежащее — именем, как занимающее место сказуемого — глаголом (ῥημα), как часть утверждения и отрицания — речением (φασίς), как часть посылки и силлогизма — термином.

Следует заметить, что в посылке, будь она утвердительной или отрицательной, подлежащее называется именем, сказуемое же — глаголом. Возьмем, например, утверждение «человек прогуливается»; здесь человек есть подлежащее и называется именем; «прогуливается» занимает положение сказуемого и называется глаголом. «Сократ прекрасен» (καλός ἐστί). «Сократ» есть подлежащее и называется именем; «прекрасен» занимает положение сказуемого и называется глаголом как часть утверждения. Хотя у грамматиков «прекрасен» называется именем, но, говоря вообще, то, что сопровождается словом «есть», является глаголом.

Следует заметить, что следующие пять названий: суждение, посылка, вопрос, возражение, заключение — несколько между собой не различаются. В самом деле, когда я просто высказываю, что «душа бессмертна», то это называется суждением. Когда же выражение «душа бессмертна» берется как часть силлогизма, то оно называется посылкой. Когда кто-нибудь возражает против данной посылки, говоря: «откуда видно, что душа бессмертна?» — то это называется возражением. Когда затем мы снова обращаемся к исследованию и спрашиваем: «действительно ли душа бессмертна?» — то это называется вопросом. Наконец, когда из посылок делается вывод, то этот вывод называется заключением. Например: «душа находится в непрерывном движении; то, что находится в непрерывном движении, бессмертно». Из этих посылок выводится: «следовательно, душа бессмертна»; это и будет заключение.

Глава LXV. Различные определения

Посылка (προτασις) есть речь, выражающая или отсутствие у известного предмета какого-либо признака, каково, например, отрицание: «Сократ не смеется» — или присутствие этого признака, каково, например, утверждение: «Сократ смеется». Термин есть составная часть посылки. Силлогизм есть такая речь, в которой, если полагается или допускается одно, с необходимостью из допущенного вытекает и другое и, именно, благодаря сделанному допущению, ибо заключение получается благодаря допущенным посылкам и не нуждается в каком-либо другом подтверждении извне.

Вопрос (προβλημα) есть исследование, приводящее или к определенному выбору, или к уклонению от него, т.е. или к отрицанию, или к утверждению, иначе — знанию и созерцанию. Расспрашивание (πρωμα) есть вопрос, требующий обстоятельного или пространного ответа. Вопрос отличается от расспрашивания тем, что за вопросом следует быстрый, составленный в немногих словах ответ, за расспрашиванием же — продолжительный и многословный. Речь называется диалогической, когда она состоит из вопросов и ответов. Возражением называется то, что с самого начала опровергает рассуждение. Опровержение (αντιπαραστασις) же имеет место в том случае, когда сказанное противником принимается как справедливое, но при этом доказывается, что это не наносит никакого ущерба выставленному положению. Лемма (λημματιον) есть то, что принимается как общепринятое в каких-либо определенных целях. Ересь (αρεσις) есть мысль или мнение значительного числа людей, которые согласны между собой, но не согласны с другими. Общепринятой же мыслью называется та, относительно которой согласны все. Такова, например, мысль, что существует солнце. Тезис (θεσις) есть отклоняющееся от общепринятого мнения утверждение какого-либо известного философа, необычная мысль, как учение Парменида, что сущее едино, а равно и учение Гераклита, что все движется.

Общее есть то, что созерцается во многом или высказывается в отношении многого. Общее говорят в четырех различных смыслах. Общим называется или то, что допускает деление на части, например, делимая между наследниками земля, или то, что, не допуская деления, находится в общем пользовании, только не одновременно, — например, один раб или одна лошадь, находящиеся у двух господ и исполняющие приказание этот раз одного, другой раз — другого; или то, что хотя в самый момент пользования и принадлежит только одному, однако предоставляется всякому, например, место в театре или в бане; или то, что, будучи неделимо, предлагается к общему и тождественному пониманию, например, голос глашатая. В этом смысле надлежит понимать слово «общее» в отношении омонимов и синонимов, имеющих «общее имя». Само по себе (καθ' αυτο) существует то, что принадлежит чему-либо и сперва, и субстанционально (κατ' ουσιαν), а не случайно (κατα συμβεβηκον), как например, свойство разумности принадлежит человеку. Всеобщим (καθολον) называется то, что означает многие предметы, например, человек, животное, субстанция. Случайно то, что может и принадлежать какому-либо предмету, и не принадлежать ему; как, например, человеку принадлежит болезнь и здоровье. Слово «производить» употребляется в отношении производительных искусств, у которых сохраняется продукт, как это, например, имеет место в плотничьем искусстве и подобных ему. Так, кровать остается и после того, как она сделана. Слово «делать» употребляется и в отношении таких искусств, в которых сделанное, или продукт, не сохраняется; это имеет место, например, при игре на флейте и при танцах. Созерцать (θεορειν) значит размышлять при занятии астрономией, геометрией и подобными науками.

Слово επινοια, при правильном его понимании, имеет два значения. Во-первых, это есть как

бы некое размышление и углубление, упрощающее и проясняющее целостный и нерасчлененный взгляд на вещи и знание о них. Так, то, что для чувств представляется простым, тщательному исследованию открывается как сложное и разнообразное: например, человек, непосредственно кажущийся простым, при более глубоком исследовании понимается двухсоставным, состоящим из души и тела. Во-вторых, это есть вымысел создающий, путем соединения чувства и фантазии, из существующего не существующее и судящий на основании первого и последнего. Таковы, например, баснословные сказания о кентаврах, сиренах, трагелафах. Заимствуя у целого его части и из частей образуя нечто иное, эти сказания, применяя широкий произвол и ничем не стесняясь, создали то, что никогда не встречается в действительности, — создали сначала в уме и рассудке, а затем, дав измышленному материальное выражение, превратили его в образ. Εἰκνοῖα в этом смысле называется простой (θελέ) εἰκνοῖα.

Пустословие имеет место в том случае, если кто-либо содержащееся в известном предмете высказывает о содержащем предмете. Так, в человеке содержатся свойства животного двуногого, равно как в Сократе содержатся свойства белизны и музыкальности. Итак, если кто-либо будет эти свойства высказывать о человеке или Сократе, говоря: человек есть двуногое животное, а Сократ обладает музыкальностью и белизной, то такой человек пустословит, много раз говоря одно в то же. Это в самом деле есть пустословие, так как упомянутые свойства заключаются в человеке и Сократе, и тот, кто назовет эти последние, тем самым выразит и первые.

Отношение есть близость, любовь или дружба, владение, участие, союз. Отношением мы называем связь с известной вещью, привычку к ней, расположение к ней, а равно и пространственную связь между вещами, когда те или направляются в одно место, или появляются из одного места, или находятся в одном месте. Следует заметить, что между четырьмя людьми возможно шесть отношений: между первым и тремя остальными — получается три отношения; между вторым и двумя остальными — получается пять отношений; наконец, между третьим и четвертым. Таким образом получается, что между четырьмя людьми существует шесть отношений. У пяти же человек будет десять отношений.

Соединение (ένωσις) происходит различными способами: или через замешивание, как в отношении различных сортов муки, замешиваемых и смешиваемых между собой: или посредством паяния, как в отношении меди и свинца; или через стесывание, как в отношении камней и дерева; или через сплав, как в отношении растапливающихся веществ: например, воска, смолы и т.п., и металлов: например, золота, серебра и т.п., или через смешивание, как в отношении жидкостей, например, вина и воды или вина и меда; или через срастание, как в отношении того, что отторгается от своей основы, а потом воссоединяется с ней; так светильник происходит от огня и снова воссоединяется с ним.

Что касается соединения через сочетание (κατά συνθεσιν), то оно состоит в рядомположении частей, без какого-либо ущерба для каждого из них; таково соединение души и тела, которое некоторые называли смешением (συνκρᾶσις) или сращением (συνφύα). Следует иметь в виду, что некоторые из отцов не принимали термина «смешение» (κρᾶσις) в применении к тайне Христа, тогда как термин «через сочетание» (κατά συνθεσιν) принимали все. Единство через сочетание есть единство со стороны ипостаси. Итак, ипостасно едино то, что состоит из различных природ. И снова: ипостасно едино то, что, состоя из двух вещей, познается в одном лице. Равным образом ипостасное единство имеет место в том случае, когда природа присоединяется к другой ипостаси.

Смешение же состоит в рядомположении тел и взаимном перенесении качеств одного тела на другое. С другой стороны, смешение есть сочетание тел, взаимно обменивающихся между

собой своими качествами. Смешение есть совместное существование различных друг от друга субстанций и взаимное перенесение свойств одной на другую.

Бывает единство и через простое рядомположение и, по-видимому, также и через приспособление.

Далее, единство называется личным, когда кто-либо, принимая лицо другого человека, говорит вместо него. Наконец, бывает единство отношения, например, друг к другу. Несторий измыслил и другие виды единства, именно, по достоинству, по равночестности, по тождеству воли, по благоволению и по единству наименования.

Следует иметь в виду, что при ипостасном соединении не только духовное соединяется с тем, что его способно принять, но также и тленное. Но соединившись, оно остается неслитным, неразрушимым, неизменным, подобно тому, с чем оно соединилось; ибо такова природа духовного.

Глава LXVI. Еще об ипостасном соединении

Следует иметь в виду, что ипостасное соединение дает одну сложную ипостась вошедших в соединение природ, в которой сохраняются неслитно и неизменно участвующие в соединении природы, их разности и присущие им естественные свойства. Ипостась же в отношении самой себя не имеет никакой ипостасной разности, ибо на нее переносятся разности каждой из входящих в соединение природ — разности, которыми каждая из них отделяется от вещей одного с ней вида. Так, например, обстоит дело с душой и телом. В самом деле, из души и тела получается одна сложная ипостась, скажем, Петра или Павла, но при этом в ней сохраняются обе полные природы — природа души и природа тела, а равно не смешиваются и их видовые разности и не сливаются их свойства. В ней заключаются отличительные свойства каждой природы: свойства души, которыми она обособляется от прочих душ, и свойства тела, которые обособляют его от прочих тел. Но которые несколько не обособляют душу от тела, а, напротив, соединяют и связывают ее с ним. Вместе с тем, эти отличительные свойства обособляют единую составленную из них ипостась от остальных ипостасей одного и того же вида. Если природы в определенный момент ипостасно соединились между собой, то они навсегда остаются неотделимыми друг от друга. В самом деле, хотя со смертью душа и отделяется от тела, тем не менее ипостась их остается одна и та же, ибо ипостась есть изначальный самостоятельный источник всякого бытия. Таким образом и тело, и душа всегда удерживают одно и то же начало своего бытия и ипостасного единства, хотя и разлучаются друг с другом.

Следует иметь в виду, что как природы могут соединяться между собой ипостасно, так возможно и пророде быть воспринятой ипостасью и в ней иметь свое существование. И то, и другое мы видим во Христе. В самом деле, в Нем и природы: Божественная и человеческая, — соединились, и одушевленная плоть Его получила свое бытие в существовавшей прежде ипостаси Бога Слова и имеет ту же ипостась. Но совершенно невозможно, чтобы из двух природ образовалась одна сложная природа или из двух ипостасей — одна ипостась. В самом деле невозможно, чтобы противные существенные разности находились в одной природе, ибо их дело отделить друг от друга те природы, которым они присущи. С другой стороны, невозможно, чтобы то, что однажды существовало само по себе, имело другое начало своего ипостасного существования, ибо ипостась есть именно существование само по себе. Следует заметить, что в отношении к Святой Троице ипостась обозначает безначальный образ вечного существования каждого лица.

Надлежит иметь в виду, что, когда образуется сложная природа, то ее части должны быть одновременными, а равно она должна различаться от составляющих ее элементов, не сохраняя их, а скорее превращая и изменяя. Так, когда тело образуется из четырех элементов, то оно становится отличным от них, так что оно уже не есть огонь или какой-либо другой элемент и не называется им. Равным образом от коня и ослицы происходит лошак, который уже не есть ни конь, ни осел и не называется ни первым, ни вторым; он отличается от обоих и не сохраняет в неслитном и неизменном виде природы ни одного из тех, от кого он произошел.

Глава LXVII. Шесть определений философии

Философия есть познание сущего как такового, т.е. природы сущего. Философия есть познание Божественных и человеческих вещей. Философия есть помышление о смерти произвольной и естественной. Философия есть уподобление Богу в возможной для человека степени. Мы уподобляемся Богу через справедливость, святость и добро. Справедливость состоит в правильном распределении, т.е. в том, чтобы не наносить обид, никого не судить, но каждому воздавать по его делам. Святость выше справедливости и совпадает с добром, состоя в том, чтобы сносить несправедливость, уступать обидчикам и даже благотворить им, Философия есть искусство из искусств и наука из наук. Ибо философия есть начало всякого искусства, так как ею было изобретено всякое искусство. Философия есть любовь к мудрости, а истинная Премудрость есть Бог. Таким образом любовь к Богу — вот истинная философия.

Философия разделяется на теоретическую и практическую; теоретическая философия разделяется на богословие, математику и физиологию. Математика разделяется на арифметику, геометрию и астрономию. Практическая философия разделяется на этику, экономику и политику. Теоретическая философия имеет своей задачей рассматривать бестелесное, нематериальное, т.е. Бога, Который прежде всего и в собственном смысле бестелесен и нематериален, затем ангелов, демонов и души.

Последние [т.е. ангелы, демоны и души] по отношению к телу называются нематериальными, по отношению же к нематериальному в строгом смысле, т.е. к Божеству, они являются материальными. Итак, все это составляет предмет богословия. Теоретическая философия имеет своей задачей рассмотрение также и природы материального, т.е. животных, растений, камней и подобного — это составляет физиологию; а равно и того, что занимает среднее место между нематериальным и материальным, что иногда рассматривается в материи, а иногда независимо от материи — это составляет математику, В самом деле, число само по себе нематериально, рассматривается же в материи, например, в хлебе или в вине, ибо мы говорим, десять модиев хлеба, десять кружек вина. Подобным же образом обстоит дело и с другими видами математики.

Практическая же философия упорядочивает нравы и учит, как следует устраивать свою жизнь. При этом, если она воспитывает одного только человека, то называется этикой, если целую семью, то называется экономикой, если же целый город, то называется политикой.

Глава LXVIII. О четырех диалектических приемах

Следует иметь в виду, что существует четыре диалектических или логических приема: разделительный — который разделяет род на виды через промежуточные разности; определительный — который, исходя из рода и разностей, выделенных разделительным приемом, определяет подлежащий предмет; аналитический — разлагающий более сложный предмет на простейшие составные части, т.е. тело — на соки, соки — на плоды, плоды — на четыре стихии, стихии — на материю и форму; доказательный — который доказывает выставленное положение через посредство среднего термина. Например, мне нужно доказать что душа бессмертна. Я беру какой-нибудь средний термин, например, «находящееся в постоянном движении», и строю такой силлогизм: «душа находится в непрерывном движении; то, что находится в непрерывном движении, бессмертно; следовательно, душа бессмертна».

Следует иметь в виду, что силлогизмы составляют часть доказательства. Следует заметить, что анализ бывает трех видов. Есть анализ физический, наподобие того, о котором говорилось выше. Есть анализ логический, когда мы расчленяем данный силлогизм, подводя его под соответствующую фигуру. Есть анализ математический, когда мы, приняв искомое за известное, доходим до чего-либо несомненного, заключая отсюда к истине подлежащего доказательству положения. Пусть искомым будет у нас положение: «бессмертна ли душа»? Я принимаю это искомое за известное и говорю: если душа бессмертна, то существует воздаяние за дурные и добрые дела. А если существует воздаяние, то есть судимый и судящий. Если же есть судимый и судящий, то есть Промыслитель и промышление. Отсюда, наконец, соединяя все вместе, говорю: так как есть промышление и Судья, то есть и воздаяние; а так как есть воздаяние, то есть и судимый. Если же есть судимый, то необходимо, чтобы душа была бессмертной.

Объяснение слов

Необходимость есть причина силы.

Стихия вообще есть то, из чего что-либо первоначально происходит и в то же, наконец, разрешается. В частности же стихия есть то, из чего происходит тело и в то же разрешается, т.е. огонь, вода, воздух, земля.

Огонь — тело тончайшее и самое горячее и самое сухое;

земля — тело самое сухое и самое тяжелое;

вода — тело влажное и очень холодное;

воздух — тело самое влажное и мягкое.

Рождение — движение по существу из не сущего к бытию.

Рост — движение в количестве в отношении увеличения.

Убыль — движение в количестве в отношении уменьшения.

Перемена — движение в качестве для изменения. Ношение — движение с места на место.

Обношение — движение на том же месте.

Самодвижение — движение души и в животных.

Время — мера движения и число раннейшего и позднейшего в движении.

День есть ношение солнца над землей, или время, в течение которого солнце несется над землей.

Ночь есть тень земного тела, или время, в продолжение которого солнце несется под землей.

День и ночь есть обращение мира вокруг.

Месяц — время от соединения луны с солнцем до следующего соединения.

Год — время, в течение которого солнце проходит круг Зодиака.

Благовремие (καρος) — время успеха.

Безвремье есть отсутствие времени, необходимого для достижения предмета желаний ищущего.

Время (ώρα) — четвертая часть года или двенадцатая часть дня, цветущая пора души или расцвет тела.

Весна — время, когда господствует влажность лето — время, когда господствует теплота, осень — время, когда господствует суша, зима — время, когда господствует холод.

«Бородатая звезда» (Πωρονίας, *barbata stella*) — звездовидное собрание огня. имеющее впереди лучи.

Комета есть огневидное собрание звезд, наподобие волос на голове, испускающее вокруг себя лучи.

Докиас есть звездоводный шест, или бревно, испускающее огненный луч вверх.

Факел (λαμπας) есть пламя и собрание огня.

Радуга (ιρις) есть священное отражение солнца на выпуклом и влажном облаке, являющееся на своде небесном в виде круга. Образуется она через сгущение воздуха.

«Побочное солнце» (παρηλιος) есть круглое облако, плотное, подобное солнцу, или отражение солнца на плотном и ровном облаке.

Гром есть спиралеобразный дух, производящий огненное движение, несущийся сверху вниз пламенным огнем и воспламеняющий кругом.

Ураган есть спиралеобразное движение мрачного воздуха, направленное сверху на землю.

Буря (πρηστρη) есть спиралеобразное движение прозрачного воздуха, несущееся сверху.

Гроза (σκηπτος) есть гром без облаков.

Град (χαλαζα) есть замерзшая вода, сжавшаяся над землей.

Лед есть вода, замерзшая на земле.

Снег есть полузамерзшая вода, нисходящая из облаков на землю.

Иней есть замерзшая вода, прикрепленная к земле другим влажным предметом.

Ливень (ομβρος) есть масса воды, выделяющейся из облаков;

дождь (ὕετος) есть собрание капель.

Капля (ψεκάς) есть влага множества мелких капель.

Облако есть стечение туч.

Пар есть множество испарений на земле.

Озеро есть множество воды, приятной и собранной в одно место, благодаря скату и наклону находящейся в состоянии покоя.

Море есть вода соленая и горькая, наполняющая углубления самой нижней земли.

Ключ есть начало тайного источника или вода, появляющаяся и вытекающая при изменении земли.

Землетрясение есть движение воздуха, происходящее под землей и принуждающее ее наклоняться.

Огненный пирократ есть устье подземного огня, который течет наружу, и отдушина.

Лира есть основа, снабженная струнами.

Примечания

Хлебная мера — полмеры, полведра.